

ПАВЕЛ ДЕВЯШИН
СОКОЛИНАЯ
ОХОТА

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

16+

Павел Девяшин
Соколиная охота

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Девяшин П. Н.

Соколиная охота / П. Н. Девяшин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07107-0

1840 год. В дом А.Х. Бенкендорфа - начальника тайной полиции - является граф Киселев. Опытные царедворцы начинают своеобразную «шахматную партию», вовлекая друг друга в хитрую политическую интригу. Полгода спустя в уездный город Курган по приглашению местного помещика прибывает молодой фехтмейстер - Иван Карлович Фальк. Юноша еще не знает, что его наняли обучать фехтованию крепостных. Герою предстоит выяснить, что происходит в пользующейся дурной славой усадьбе и разобраться в перипетиях высокой политики. Сколько смертей случится, прежде чем завершится игра тайных служб великой империи?

ISBN 978-5-532-07107-0

© Девяшин П. Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава первая

Граф Киселев никогда не любил пышных выездов. Будучи человеком государственного масштаба, да притом самого что ни на есть высочайшего толку, он, министр государственных имуществ, держался самых простых правил и обыкновений. Потому никому из поздних прохожих и в голову бы не пришло предположить в мчащейся сквозь наледь и мокрый снег карете столь важной особы.

На пятьдесят втором году жизни Павел Дмитриевич знал наверняка, что покой и праздность – есть удел человека без цели и что истинная благодетель заключается преимущественно в движении и скорости. Уходящий 1839 год, который заканчивался сегодня, пролетел так стремительно, точно желал угодить графу, в полной мере соответствуя его представлениям и взглядам.

И даже теперь, в эту последнюю и праздничную дату, Киселев занял весь свой день почти до отказа всевозможными делами и службами. До полуночи оставалось всего несколько часов, но прежде чем отправиться, наконец, домой и выпить бокал-другой шампанского в кругу любезных сердцу друзей, министру оставалась еще одна встреча. Пожалуй, самая важная.

По дороге его захватила непогода, он долго кружил меж занесенных столичных улиц и прибыл к огромному итальянского вида палаццо со значительным опозданием. Не в присутственные часы, как хотел, а много позже, когда уже было совсем темно. Карета, снабженная отменно смазанными полозьями, имела самый обыкновенный облик и смотрелась в сравнении с другими упряжками, вытянувшимися ровной линией вдоль чугунной ограды, как уличный кот среди благородных гепардов.

Павел Дмитриевич отворил слепую от инея дверцу и, мелко перекрестившись, шагнул на мощный черным булыжником тротуар. Ветер сей же миг кинул ему в лицо липкие хлопья и попытался сорвать с головы высокий цилиндр, однако не преуспел, чиновник придержал головной убор рукой, и хлопнул с досады открытой дверцей. Затянутое ледяным узором стекло жалобно задребезжало, но устояло.

Граф самым неприличным образом выразился по матери, покрепче запахнул на мундире бобровую шубу и поспешно отвернул голову назад, давая студеному порыву чуть приутихнуть. Взору открывался привычный ландшафт зимнего города. Казалось бы, что на него глядеть? Снег, вьюга и тяжелое декабрьское небо – ничего необычного. Однако был в этом пейзаже некий тревожный знак.

«Какой разительный контраст», – думал Павел Дмитриевич. – «С одной стороны улицы первостатейный сицилийского мрамора особняк, принадлежащий второму человеку в империи, графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, а с противоположной: черные осколки жилых зданий, трущобы и самые какие только бывают злачные на свете места. Бедность, косность и мерзость».

Граф упрямо тряхнул головой. Велев слугам дожидаться у кареты, он торопливо зашагал к дому начальника тайной полиции.

Дом этот по праву мог считаться архитектурной достопримечательностью столицы. Выходя одной своей стороной на респектабельный бульвар, другой громоздился над улочкой убогой и грязной, откуда, заплутав в снежных заносах, пожаловал возок Павла Дмитриевича. Граф знал, что подобное расположение имело особенный смысл. Это была своего рода демонстрация беспристрастности государственной власти, закона, стоящего на страже интересов всех социальных слоев общества. Как чистой публики, так и простого люда.

Отворивший министру швейцар, даром, что при ливрее и пышных бакенбардах, статью и повадкой напоминал жандармского вахмистра. Для пущего сходства недоставало только эполет да сабли на ременной перевязи. Киселев совершенно не удивился сверхъестественной осве-

домленности привратника, с порога, заявившего, дескать, его высокопревосходительство об этот час обыкновенно изволят ухаживать за фикусом и просят их высокопревосходительство пожаловать к ним туда, напрямиком в зимний сад.

Миновав анфиладу бесчисленных залов и пышно обставленных комнат, они оказались в маленькой передней, отделявшей приемные помещения от внушительного размера оранжереи, крытой толстым зеленоватым стеклом. Здесь швейцар сдал Павла Дмитриевича с рук на руки другому слуге, дежурившему по вечерам неотлучно при графе Бенкендорфе. Сей молодцеватый субъект, имел настолько свирепую наружность и идеальную выправку, что у министра рассеялись последние сомнения, перед ним – Его Императорского Величества Отдельного корпуса жандармов офицер. Притом, не из последних.

– Здесь обождите, – сказал он строго и важно, опустив светские церемонии и всякое положенное к обстоятельствам титулование. – Доложу-с.

Камердинер исчез за дверью. Граф, временно предоставленный самому себе, скинул с плеч тяжелую шубу, оставил цилиндр, трость и принялся с беспокойством прохаживаться взад-вперед, безотчетно подкручивая превосходный пшеничный ус. Антураж передней был очень простой, смотреть решительно не на что, потому Киселев глядел все больше под ноги и невольно как бы прилип взором к сияющему в черно-белую клетку полу.

«Точно шахматная доска», – подумалось ему с некоторой иронией, – «точно мы с графом в шахматы играем! Сравнение, пожалуй, пошлое, но суть подхвачена правильно. На кон поставлены жизни! Игра опасна, каждый ход может подвести к последней черте, потому и продумывается до мелочей. Теперь, когда оппоненту фактически поставлен шах, совершенно невозможно стало ни отступить, ни, упаси Господь, отступить. Как говорится, грудь в крестах, иль голова в кустах».

Минуту спустя дверь отворилась вновь. Изнутри помещения послышался зычный и ровный голос давешнего слуги:

– Пожалуйте, господин министр!

***

Александр Христофорович Бенкендорф стоял среди буйно цветущей зелени с серебряной лейкой в руках и с видимым расположением глядел на вошедшего Киселева. Он до того лучился приязнью, что даже шагнул посетителю на встречу шага три-четыре.

Руководитель политического сыска, невзирая на поздний час и приближающееся торжество, встретил нежданного гостя ласково. Не чинясь. Он обращался к Павлу Дмитриевичу с дружеской обходительностью, благостно улыбался и цитировал Евангелие. Однако визитер был с гостеприимным хозяином строг и, уклонившись от праздной беседы, поспешил поскорее разъяснить, в чем состоит цель его приезда.

– Александр Христофорович, вам отлично известна высочайшая воля и государственная линия в отношении крестьянского вопроса.

– Вы хотели сказать, дорогой Павел Дмитриевич, ваша линия и ваша воля?

Министр пожал плечами, не обратив внимания на ироничный тон графа.

– Хорошо. Пусть будет моя воля. И она такова: я считаю, ваше сиятельство, что бунташные настроения, столь популярные ныне в нашей отчизне, следует преодолевать, прибегая не к реакционным мерам, а к реформаторским. Насилием...

– Ах! – всплеснул руками Бенкендорф. – С места в карьер! И сразу о высоких материях.

– ...Насилием, наверное, вообще нельзя ничего добиться, кроме ответного насилия. Куда более эффективным методом искоренения революционной заразы, на мой взгляд, является государственная поддержка самого бесправного и самого большого сословия – крестьянства. Дай мужику защиту и у государя не будет более преданного и надежного слуги. Господам революционерам не на кого станет опираться, раздувая свои крамольные теории и строя бесконечные козни. Они не станут поливать российские мостовые собственной кровью. Эти говорюны

только и умеют, что пить кофе со сливками, философствуя где-нибудь на солнечной террасе в Берлине или Цюрихе.

– Весьма оригинальная мысль, друг мой, и даже похвальная! Но что же вы хотите от меня?

– Отдайте мне князя Арсентьева.

Шеф третьего отделения с наигранным удивлением вскинул брови.

– Дмитрия Афанасьевича?

– Да. Помещик заигрался. Слухи о его жестокости в обращении с крепостными вышли далеко за пределы губернии, в которой он имеет честь проживать.

– Наслышан, наслышан! – Бенкендорф покачал головой, стараясь не растрясти редкие напомаженные кудри. – Несусветное безобразие, Павел Дмитриевич! Этому немедленно должен быть положен конец.

– Только не вашими излюбленными методами! Знаю я, как третье отделение решает подобные проблемы. Концы в воду и все шито-крыто. Предоставьте дело мне, обещаю, изувер Арсентьев станет первой ласточкой в череде грандиозных судебных процессов в отношении лиц дворянского звания, порочащих честь России. Простой люд должен видеть и понимать заботу государства. Об этом нужно греметь, дабы все осознали, что в русском краю царит просвещение и вера в права человека. Это будет спасительно для отчизны, для государя и для нас с вами. Россия в глазах международной общественности выйдет из числа опальных и встанет в единый ряд с первейшими в истории державами. Заявляю прямо, я прибыл к вам всего прежде для того, чтобы нам в этой точке объясниться и впредь не толкаться локтями.

Александр Христофорович с мягкой улыбкой поманил графа за собой, куда-то вглубь тропического Эдема.

– Вот-с, – обвел он рукою свой сказочный сад, – более трехсот квадратных саженей деревьев, цветов и иных посадок. Здесь у меня собраны самые разнообразные плоды. Клубника, бананы, лимоны и даже гранат.

Киселев подумал, что ослышался и довольно невежливо поинтересовался:

– Причем здесь ваша оранжерея, граф?

– Ну как же! На ее примере я выскажу вам собственное мнение о предмете нашего разговора. Вы же простите старику любовь к аллегориям?

Павел Дмитриевич нетерпеливо повел плечом, но промолчал.

– Всякому лужку неприлично зарастать только полевыми травами, сколь полезными бы они не были. Скучно! Потому природа наградила нас яркими и пышными цветами. Однако, строя дом в дремучей куще, человек непременно подстраивает ее под себя. Отсекает лишнее, оставляя только то, что соответствует его представлению о пользе дела и красоте. Но не достаточно единожды обуздать стихию, за ней нужен неустанный контроль. Стоит на мгновение утратить бдительность и все... пиши пропало, кругом безраздельно воцарится сорняк и хаос. Только опытному садовнику по силам содержать свой зеленый остров в порядке и надлежащей чистоте. Не трогать лишнего, но безжалостно выдергивать каждый пустоцвет и после, обернувшись в конце утомительного дня на результат своих трудов, усладить, наконец, взор картиной сочных и геометрически выверенных клумб. Так устроена разумная жизнь. Ну, согласитесь, глупо садовнику в стремлении вырастить самый большой кабачок шептать ему комплименты и показывать картинки с гигантскими тыквами, а после, когда благодетельствованный корнеплод вымахает, в лучшем случае, до стандартных размеров, пенять ему, что тот незаслуженно почил на лаврах. Нет, здесь поможет только прополка!

Тут терпение Киселева лопнуло как мыльный пузырь.

– Люди, по-вашему, Александр Христофорович, сплошь пустоцвет? Впрочем, соглашусь, Арсентьев самый настоящий сорняк! И да, сорняки, нужно выпалывать, но делать это следует цивилизованно – в перчатках и при помощи соответствующих инструментов, аккуратно. Не драть голой рукой, попутно затаптывая обеими ногами ни в чем не повинные цветы.

Бенкендорф несколько не смутился и вдруг сделал Павлу Дмитриевичу вопрос:

– Признайтесь, господин министр, это вам барон Коршаков про князя-то Арсентьева проболтался? Откуда вы могли знать, что формуляр на этого, безусловно, несимпатичного сиятельства покоится на моем столе в текущих бумагах? Право, не отвечайте, я и сам теперь вижу, что Коршаков. Что ж, это он не нарочно, это только так-с... Милый старикашка, наш с вами барон. Знаете, граф, он нынче больше в грезах, да, пожалуй, в кураже, но все одно держится самого тузового общества и обществом этим ценим. К слову сказать, приходится мне дальним родственником по супруге. Хе-хе! Люблю его светло и невинно, а почему так – не могу понять и сам.

Киселев нахмурился.

К сему моменту он уже понял, что начальник третьего отделения, кажется, не желает воспринимать его всерьез и от затеи своей, касательно заигравшегося князя, нипочем не отступится. Никакого суда Бенкендорф, конечно, не потерпит, боится, что в ответ фраппированное дворянство затеет против помазанника какой-нибудь великосветский заговор. Арсентьев может быть сколько угодно мерзавцем, но публичная порка титулованной особы – настоящая пощечина русской элите. Нет, сорняк выдернут с корнем, и перед его императорским величеством ляжет доклад о приключившемся с опальным помещиком несчастье или о какой-нибудь выпавшей на его долю тяжелой болезни.

Сверкнув глазами, Павел Дмитриевич коротко поклонился, показывая, что разговор окончен.

– До свидания, ваше высокопревосходительство! Рад, что нам удалось, наконец, поговорить по душам и обменяться суждениями. Еще раз прошу, не вмешиваться в дело Арсентьева! Я сам отличным манером все обустрою, только не ставьте мне в колеса этих ваших полицейских палок.

Поклонился и граф Бенкендорф, коротко сказал с улыбкой:

– Благодарю за откровенную беседу, Павел Дмитриевич, и за доставленное удовольствие вас лицезреть!

Поздний посетитель с достоинством удалился и более своей персоной дом начальника тайной полиции не достаивал. Вызов состоялся, перчатка была брошена.

***

До дома Павел Дмитриевич добрался всего за четверть часа до полуночи, в ту минуту, когда его уже перестали ждать. В малой зале, перед почти прогоревшим камином, неподвижно стояла Джаелл.

Киселев привез ее лет пять назад из Букарешта. К тому времени его брак перестал существовать. Природа позаботилась о том, чтобы всякий человек, кем бы он ни был, и какого бы положения ни занимал в свете, отчаянно нуждался в любви и в желании быть кому-то одновременно полезным и благодарным. Особенно, если этот человек разменял шестой десяток, и у него нет детей.

Девушка почти не имела изъяна. В переводе с румынского имя Джаелл означало «дикая козочка», что в полной мере соответствовало ее характеру и служило отражением натуры. Она могла с утра до ночи гулять по саду или дому, напевать что-то себе под нос и не интересовалась решительно ничем, кроме самого графа, к которому успела искренно привязаться и даже по-своему полюбить.

– Paul, vite, verser un peu de champagne, la fête sur la porte! (франц. «Поль, скорей налей шампанское, праздник у двери!»), – произнесла молодая румынка, с легким беспокойством заглядывая в глаза Павлу Дмитриевичу.

Министр выдавил из себя улыбку, вздохнув, откупорил протянутую слугою бутылку и наполнил стоящие на изящном столике фужеры. Киселев рассеяно слушал веселое щебетание подруги, изредка что-то отвечал и даже смеялся ее шуткам, но мысли его были далеко.

Затея с Арсентьевым крайне тонка и опасна, думал граф. Всего несколько часов назад государь, лично выслушав его доклад, ответил:

– Ну что, Павел Дмитриевич, попробуй!

Сам император доверился ему. Каково! Если сделать неверный шаг, можно раз и навсегда загубить карьеру. С другой стороны, победа сулит настоящий взлет, такой, что дух захватывает; под самые облака и даже выше.

При этом нельзя недооценивать Бенкендорфа. Спокойный сон государя-императора этот ловкий и осторожный во всех решительно отношениях господин ставит много выше интересов справедливости и даже репутации отечества. Потому скорее сбреет начисто свои знаменитые бакенбарды, нежели допустит огласку злоупотреблений русским дворянином властью над челядью. От одной только мысли о методах охраны волосы на голове встают дыбом!

Третье отделение – мощнейший полицейский механизм в Европе. Притом приспособленный не только для охранения правопорядка, но и не чурающийся грязной, а порой и откровенно преступной, работы. Скажем, даст с утра Александр Христофорович некие распоряжения относительно самодура-помещика и уже за ужином сможет небрежно обронить в беседе с Николаем-де нет и не было никогда никакого князя Арсентьева, а Киселев ваш – изрядный выдумщик и тщеславный мечтатель, если не хуже.

А если и мечтатель, что в этом плохого? Разве не здорово было бы поставить единственным судебным процессом Россию на одну полку с Европой? Еще как здорово! Триумф справедливости и равенство всех перед законом – вот истинный венец социальной политики государства. И пусть идут к черту все, кто смеет утверждать, будто эта мысль опережает свое время, по меньшей мере, лет на сто!

С такими вот мрачными думами Павел Дмитриевич явился домой, с ними встретил праздничную минуту, с ними же и удалился, черней тучи, в опочивальню.

Он пробудился ранним утром от глубокого чувства тревоги, но уже в совсем ином ключе. В комнате находился кто-то посторонний. Инстинктивно нащупав под подушкой рукоять пистолета, с некоторых пор появилась у графа привычка брать с собой в спальню заряженное оружие, Павел Дмитриевич открыл глаза.

– Господин Киселев, – тронули его за рукав ночной рубахи чьи-то настойчивые пальцы, – прошу извинить меня за вторжение, но дело не терпит отлагательств! Срочная депеша.

Чиновник молча приподнялся на локте и, похлопав ресницами, взгляделся в лицо разбудившего его человека.

– А, это вы? Что случилось? Кто вас впустил?

– Ваша... сожительница. Она здесь, за дверью, Джаелл! Бога ради, время не ждет, граф! Проснитесь же, наконец! Джаелл!

Немедленно скрипнула дверь. Девушка приблизилась к министру вплотную, заглянула ему в лицо и дрожащим от сдерживаемых слез голосом произнесла:

– Поль, мы танцевали с ним всего только третьего дня, помните? Бедный, бедный дедушка...

Киселев нахмурился, сиюсь разобраться в происходящем.

– Известно ли вам, что барон Коршаков сегодня ночью покончил с собой? – глаза раннего посетителя лихорадочно блестели, но не от слез, как у чувствительной Джаелл, а от едва скрываемого азарта.

Киселев отнял руку от кавалерийского пистолета и энергично потер лицо, как бы сгоняя остатки сна.

– Как?

– Найден повесившимся в собственном кабинете. На шнурке от фрамуги, где шторы.

– Это не самоубийство, – проговорил граф с видимым удовлетворением и даже с некоторой уверенностью.

– Вне всяких сомнений.

Павел Дмитриевич испытал абсурдное облегчение. Значит, после разговора с ним Бенкендорф поспешил заткнуть дыру, через которую произошла утечка информации. Столь решительные и грубые действия могли означать только одно – Арсентьев действительно представляет для третьего отделения большой интерес. Александр Христофорович оценил потенциал задуманного судебного процесса.

Граф троекратно перекрестился и невпопад заметил:

– Всякого ожидал, но что бы так... Лихо. Экого паука уморил, родственник.

– Перестань ради Всевышнего, Поль! – возмутилась вдруг девушка. – Ни в какие ворота!

– Ну, не бранись, лапушка! Сказано, не человек – камень. Первый сорт.

Павел Дмитриевич с хитрецей поглядел на своего ночного визитера.

– Кого бы мне послать к князю?

– А мне уж, ваше высокопревосходительство, грешным делом, помнилось, что вы о том и не заговорите. Стало быть, едем к Арсентьеву?

Глава вторая

Ах, знали бы вы, какие чудесные яблоки нарождаются в здешних местах этой порой! Ах, какие стоят золотые погоды! Палящие жары, еще две недели тому назад нещадно иссушавшие многочисленные речушки и озера, обильно затянутые камышом, обыкновенно к этому времени прекращаются. Сменив гнев на милость, летний зной уступает место теплему бархату ранней осени. Стройные могучие леса в причудливом хороводе пушистых елок, сосен да красавиц берез еще величественно переливаются в солнечных лучах густой темной зеленью. И лишь кое-где уже искрится в ветвях веселая желтизна и яркий игривый багрянец. Еще слышится нестройное пение пичуг и гудение деловитых пчел над пашнями и лугами, раскинувшимися по обе стороны ухабистого столбового тракта. Темной извилистой лентой вьется он от станции до станции, петляя среди лесов и полей, и завершает свой бег у городской заставы.

Дорогой этой, мерно поскрипывая колесными спицами и потешно качая рессорой на частых кочках, поросших высокой и уже изрядно бледнеющей крапивой, катила легкая карета, запряженная двумя низкорослыми лошадьми. Черногривой гнедой да светло-рыжей игривой. Несмотря на свой невеликий рост, лошадки резво трусили по основательно наезженной колее и производили впечатление чрезвычайной выносливости. Карета была сплошь покрыта вьедливой дорожной пылью и, казалось, вот-вот развалится.

На стареньком, скрипучем, но весьма еще уютном сидении расположился русоволосый молодой человек, с живым любопытством изучающий дорожные пейзажи. Правильные черты лица, большие зеленые глаза и добродушная улыбка – располагали к себе каждого, кому доводилось хоть на кратчайший срок свести с ним знакомство. На глаз молодому человеку можно было бы дать приблизительно лет двадцать пять или даже немногим более. Одет он был в строгом соответствии с модой современных россиян. Длинные светлой шерсти панталоны в клетку, пюсовый фрак и зеленый бархатный жилет. На шее изящным черным цветком красовался платок, концы которого прятались под жилет, а рядом, на сидении, покоился снятый за ненадобностью черный же цилиндр при шелковой ленте. Трости молодой человек не имел вовсе, компенсируя себе ее отсутствие наличием продолговатого атласного свертка, который ни на минуту не выпускал из рук, нетерпеливо поигрывая натуго перетянутым шнурком.

Нетерпение молодого человека, ненавязчиво сквозившее в беспокойном движении пальцев, самым что ни на есть простительным образом, объяснялось длительностью путешествия. Он выехал из Петербурга примерно месяц тому назад, аккуратно на Петров день, и с тех пор, по собственному его выражению, наблюдал жизнь как бы со стороны.

Дорожные будни пронеслись перед глазами яркими мозаичными картинками, будто в калейдоскопе, новомодном изобретении господина Брюстера. Леса и поля, озера и реки, почтовые станции, вечно нетрезвые смотрители, постоялые дворы с покосившимися крышами и грязные трактиры, часто напоминающие хлев, с такими, впрочем, ценами, какие не найдешь и в самых уважаемых ресторациях.

В пути он встретил начавшийся и успевший закончиться полный сочными травами сенокос, а за ним и необременительные по своей строгости Госпожинки. И вот уже в осенний мясоед, сытую пору частых свадеб и веселья, наконец, приблизился к конечной точке своего непростого маршрута. Лошади, далеко разнося по округе пение звонкоголосых колокольчиков, с каждой минутой приближали его к уездному городу с неизвестным всякому столичному жителю названием Курган, что в Тобольской губернии.

– Скажи-ка, братец, далеко ль еще до заставы? – окликнул молодой человек восседавшего на козлах кучера, чуть приоткрыв невеликое оконце, расположенное в передней части кареты.

– Да куды там! Таперичка, почитай, уж недалече. До темноты оно непременно-с, барин, уж как положено, до темноты-то, – с охотой откликнулся кучер, облаченный в видавший виды

кафтан, и, завидев впереди очередную кочку, слегка натянул поводья, желая чуть замедлить бег лошадей. – Тпрууу!

Вздыхнув, узник кареты откинулся назад и извлек из-под мягкой отороченной кистями подушки, вот уже который день служившей ему единственным предметом комфорта, аккуратно сложенную газету. Сквозь страницы ее вдруг с легким шелестом выпорхнул бумажный листок, испещренный мелким, совершенно не каллиграфическим почерком, и едва качнувшись в воздухе, скользнул под пружинное сиденье. Это была подорожная, выписанная на имя отставного штаб-ротмистра Ивана Карловича Фалька.

Водрузив упавший документ рядом с собой, молодой человек решительно развернул газету и, в который раз, пробежал глазами первую страницу. Он приобрел ее близ Александрово-Невской лавры в самый день отъезда и за время, проведенное в дороге, изучил буквально вдоль и поперек. Однако более развлечь себя было нечем. Чтение – единственное из доступных в условиях каретного заточения занятий, способное хоть как-то развеять скуку.

Сверху по центру, прямо под монограммой с изображением пчелы в окружении дубовых листьев, помещалась крупная надпись «Северная пчела». Чуть ниже и шрифтом помельче было выведено: «№ 49, вторник, июля двадцать восьмого 1840 года». А затем уже и вовсе едва заметно: «выходит по вторникам, четвергам и субботам, годовая цена за 156 номеров: в С.П. Бурге 40 рублей, с пресылкою 50 рублей».

Петербуржец поводил пальцем по строчкам.

Карету ощутимо потряхивало на колдобинах и капризные буквы все норовили разбежаться в разные стороны. Наконец, он остановился на нужной статье и углубился в чтение. Статья, озаглавленная как «Виктория русского оружия», была выдержана в бравурно-патриотическом тоне и старательно предрекала неременную победу этого самого оружия на Кавказе, причем в самых скорейших перспективах. Автор, смакуя мельчайшие детали, которые он сам же, весьма вероятно, и сочинил, строчка за строчкой повествовал о недавнем сражении на реке Валерик, завершившемся разгромом северокавказских горцев.

На взгляд Ивана Карловича, делалось это очень уж прямолинейно и незатейливо. Несмотря на безусловное сочувствие оказавшимся в тяжелом положении войскам и любовь к отчизне, Фальк никак не мог отделаться от ощущения некоторой гадливости и полагал, что статью изрядно «пересиропили». Если кто-то громко и неутомимо твердит о своей правоте и избранности, значит, есть сомневающиеся!

Штаб-ротмистр давно уже пришел к выводу, что подобного рода неоднозначность теперь правит бал во всем. Это касается не только дел армии и Кавказа, но и статского общества.

Все больше головы захлестывает хмель либерализма. Вслед за безумцами, вышедшими в двадцать пятом на сенатскую площадь, появляются новые веяния и кружки. Похлеще старых. Все больше проникается чувством собственного достоинства простой мужик, не умеющий зачастую прочесть свое собственное имя. Да что там, многие из доморощенных «робеспьеров» затруднились бы даже с уверенностью назвать сегодняшнее число. А все туда же, свободу им подавай! Равенство. Братство.

Пресса оставаясь, пожалуй, единственным глашатаем и источником публичной мысли, всеми силами стремилась сгладить общественное напряжение. Завершалась статья вполне закономерно, плавно переходя от восхищений к увещаниям, призывая «усмирять в сей тяжелый час для русской отчизны бурные порывы к чужеземному, к неизвестному, к отвлеченному в туманной области политики и философии и умножать, где только можно, число умственных плотин».

Иван Карлович снова вздохнул и задернул штору, растянулся на скрипучем сиденье и миг спустя погрузился в глубокий, болезненный сон.

Из тревожной дремоты юношу вывел голос кучера.

– Просыпайся, ваш бродь! Никак прибыли, уж вон и застава.

***

Не обманул умудренный опытом и сединами ямщик, к городу подкатили до темноты. Впрочем, когда миновали заставу, дневное светило уже основательно клонилось к горизонту, прячась за кромкой леса. Лес этот почти вплотную подступался к самой городской окраине, точно имея твердое намерение ежеминутно видом своим выказывать, мол, не задавайтесь, не обманывайтесь люди, что держитесь теперь цивилизованного общества, да носу своего не дерите, потому все одно в глуши живете.

Застава представляла собой громоздкий, сработанный из долгой лесины шлагбаум, не отличающийся особым изяществом и бонтоном, полосатую будку, с кое-где облупившейся краской, да крохотную сторожку-кордегардию, изрядно потемневшую от частых непогод.

– Спишь, Курган! – грозно насупив брови, прикрикнул возчик на нерасторопного инвалида (инвалид – категория военнослужащих Российской Императорской армии; в данном случае не имеется в виду физическое увечье). – А ну, подымай свою палку! Не вишь, барина везу?!

– Не шуми, не шуми, ну чаго расходился! Слышу я, Степан, тебя как не слышать! – отозвался пожилой служака, спеша к подъемной цепи. На полпути он посторонился, уступая дорогу вылетевшему на шум унтеру.

Иван Карлович, больше привыкший к столицам, мимолетно подивился девственной пустоте городских улиц. Въезд в город не был перекрыт вереницами многочисленных карет и колясок, ожидающих всякая свой черед в строжайшем соответствии чину и званию. Не слышалось ни зычных команд вахтенных, ни ропота измученных ожиданием путников, ни ржания взмысленных коней. Вообще ничего. Только где-то поблизости неохотно ворчали псы.

– Как у вас тихо здесь, хорошо-с, – чуть слышно проговорил Фальк и с заспанным видом протянул дежурному документ.

Унтер, придерживая болтающуюся в ножнах саблю, принял бумагу и стал читать ее с обстоятельностью человека, привыкшего полагать себя изрядной величиной. Он долго шевелил губами, щурился и моргал, и наконец, проговорил:

– Да-с, тут у нас не Бог весть, какой Вавилон, ваше степенство! – затем вытянулся в струнку и, обращаясь уже к одному только своему подчиненному, гаркнул, что есть мочи. – Подвысь!

Едва шлагбаум медленно и со скрипом пополз вверх, едва унтер пропустил упряжку и взял под козырек, как русоволосый фронт приник к узкому занавешенному окну и принялся с интересом рассматривать городок. Неширокие улочки были залиты мягким вечерним солнцем. По ним со звонким смехом носилась ребятня. Спешащие куда-то прохожие, по виду в основном из мещан, купцов да разночинцев, с неприличным любопытством провожали карету долгими, пытливыми взглядами.

Повсюду виднелись утопающие в зелени садов деревянные дома с резными наличниками, да строгие присутственные учреждения, кое-где даже воздвигнутые из камня. Ярким золотом отливали купола и кресты ладненькой церквушки, откуда благостным пеньем разносился по всей округе колокольный звон. Чуть дальше можно было разглядеть невысокую, хотя и громоздкую в отношении прочих строений, башенку пожарной каланчи.

Как и в прочих невеликих селениях, думал Фальк, всего только две вертикали – одна служит религиозной цели, другая воздвигнута из видов противопожарного обустройства. Обе – исторический результат древнерусского градостроительства.

Идиллическую картину завершали запахи. Воздух здесь полнился ароматом цветов, усеивавших бесчисленные дворы и палисадники. Близкая река добавляла ощущение приятной свежести.

Все это вдруг наполнило душу отставного штаб-ротмистра каким-то необъяснимым умиротворением, с юных лет крепко позабытым чувством домашнего уюта. Состояние было непривычным, и оттого тревожным. Позже об этом определенно следовало поразмыслить.

Пообещав себе как-нибудь на досуге вернуться к теме незнакомых мироощущений, Иван Карлович сам того не заметил, как очутился у крыльца длинного приземистого строения, свежеекрашенного в желтый цвет. Карета слегка качнулась и тотчас остановилась, издав протяжный и, как вообразилось молодому человеку, полный ликования скрип, знаменующий окончание дальнего странствия.

Фальк открыл дверцу, спрыгнул с подножки и с видимым удовольствием потянулся.

– Что, Степан Андреич, никак почта? – прокряхтел он, завершая немудреный моцион и принимаясь вынимать с багажной полки объемистый дорожный саквояж.

– А как же, она самая и есть, ваш скородие! Вмиг доставили, как обещано, по всей форме, – пробормотал ямщик и ласково погладил по морде всхрапывающую кобылу. – Ишь притомилась, сердешная...

Петербургжец отлично понял маневр бородатого хитреца.

– Благодарю за службу! Вот, держи-ка, братец, канарейку на водку!

Он протянул оторопевшему от неслыханной щедрости кучеру желтенькую рублевую ассигнацию и одарил его тонкой, понимающей улыбкой. Не враз опомнившись, извозчик медленно, точно во сне, стянул шапку, и склонился чуть не до самой земли.

Лошадки, в отличие от кареты, Фальку не принадлежали. Он добирался на перекладных – старинным, чуть не с ордынских времен, способом, а посему освободившихся от тяжелого бремени почтовых скакунов отвели в стойло, покормить и хорошенько почистить. Коляску же откатали в нарочно возведенный на то каретный сарай.

Вообще-то сарай был предназначен для почтовых карет, тарантасов, бричек и прочих упряжек, которые использовались только для транспортировки грузов, а иногда и пассажиров, не имевших своего транспортного средства, однако для отставного штаб-ротмистра сделали исключение. Не в последнюю очередь благодаря активнейшей «протекции» благодетельствованного ямщика.

– Ништо, ваше скородие! – деловито ворчал кучер. – Уж вы за экипажу свою не тревожьтесь. Ступайте себе, барин, мы дальше сами тут... как говорится, в лучшем виде!

Как только «экипажа» исчезла в полумраке сарая и за ней закрылись, наконец, массивные створки, Фальк снова поблагодарил кучера и тотчас зашагал к крыльцу почтовой конторы. Надлежало уладить дела с бумагами.

Темноватое помещение станции по вечернему времени пустовало, лишь за письменным столом поскрипывал пером дородный служащий с красным от чрезвычайного усердия лбом. Он принимал корреспонденцию у одного единственного посетителя, невысокого господина со смешными стеклышками на глазах.

Дабы избежать проблем с ночлегом следовало поторопиться, а потому, превосходно зная, как любят почтовые люди заводить пространные беседы со всяким новым человеком, держался штаб-ротмистр сухо, деловито и на приватности не напрашивался. Быстро разделавшись со всеми положенными формальностями, он пожелал станционному смотрителю здравствовать, выскользнул за дверь и немедленно нахмурился уходящему дню. Времени до ночи оставалось совсем немного, почитай так и не было вовсе.

***

Сжимая под мышкой свой неразлучный сверток и ухватив свободной рукой саквояж, Фальк покинул почтовое подворье и отправился на поиски извозчика. Он быстро пересек улицу, едва не угодив в невесть откуда взявшуюся грязную канаву, и только удалось ему счастливо избежать одного препятствия, как он тут же столкнулся с другим. Наскочил на перепачканного с головы до ног мальчишку в лихо задвинутом на самый затылок картузе при сломанном козырьке.

– Дяденька, дяденька, а хотите я вам гамаши начищу? Токмо деньгу наперед! – тоненько запричитал он, для наглядности размахивая тряпкой, что бы как можно понятней донести до потенциального клиента суть своего коммерческого предложения.

Вот, кажется, и отыскалась разгадка таинственному происхождению давешней канавы.

– Во-первых, следует говорить не «хочите», а «хотите», – улыбнулся штаб-ротмистр. – Во-вторых, ты вот что, дружок, сыщи мне коляску. Дам тебе пряник! Как? По рукам? Я тебя вон там стану дожидаться.

Он указал рукой на торговый ряд, находившийся здесь же, неподалеку. Постреленок с готовностью кивнул и, сверкая невымытыми пятками, припустил выполнять поручение. Да не забыл, сорванец, по пути разогнать парочку воркующих голубей. Мальчишка, он мальчишка и есть, с него что взять?

Предоставленные минуты праздности Иван Карлович решил употребить с пользой и немного подкрепиться. Сегодня он не держал во рту и маковой росинки, скудный холодный завтрак не в счет, но искать трактир было решительно некогда, не говоря уже о том, сколько времени отнял бы обстоятельный, неторопливый ужин. Не без труда прогнав мысли о горячей похлебке и круглобоком самоваре, Фальк купил связку румяных бубликов, что источали на всю округу до невозможности манящие и головокружительные ароматы.

Звякнув дверным колокольчиком, он покинул купеческую лавку – по виду самую основательную во всем ряду, с резным крылечком и внушительной вывеской «Центральный магазин продовольственных товаров, церковной и иной утвари». Стоя подле порога, штаб-ротмистр покрутил головой налево – направо и, не найдя скамейки куда можно было бы приличному человеку присесть, принялся наскоро закусывать прямо так, не сходя с тротуара. Хотя тротуаром этот поросший травой участок земли можно было бы назвать с известной долей условности. Отправляя в рот кусочек за кусочком, он задумчиво смотрел по сторонам.

На улице стояла приятная вечерняя прохлада, не такая промозглая и мутная, как в столице. От длительного разглядывания Курган, как и всякий маленький городок, во многом выигрывал и выгодно отличался от своих громоздких собратьев.

Вот, громогласно призывая горожан наострить ножи и топоры, прошествовал мимо точильщик в малиновом жилете, неся через плечо небольшой точильный станок на деревянной раме. А вот стайка мальчишек с радостным смехом прокатила мимо старое колесо от телеги. Через два дома иная картина, там стоял, опираясь на метлу, дворник в белоснежном фартуке и лениво бранился со старухой, выплеснувшей со двора ведро воды.

– Игнатьевна, ну сколь раз тебе старой говорено, от того что ты на дорогу льешь только хужей делается!

– Чагой та хужей!? Это водицей-то? – все ахала она, вытирая руки о передник.

– Да говорю же, – терпеливо втолковывал ей дворник, – по жиже мести – все одно, что грязь мешать! Ты вон у себя в ограде делай что хошь, а здесь не моги мне! Ишь взяли волю, всю улицу мне измызгали. Одна воду льет, другой навовсе грязи понавел! – качнул он метлой в сторону канавы, что, по всей видимости, служила юному чистильщику обуви прямым источником дохода.

Молодой петербуржец улыбнулся. Нет, все-таки хорошо здесь, подумал он, хотя, наверное, и скучно.

Наконец в дальнем конце улицы показались дрожки извозчика. Вышедший небывалой статью и огромный, словно медведь, он степенно правил мохноногой лошадкой, важно восседая на облучке. Рядом с ним, притом с не менее важным видом, бежал Фальковский чумазный порученец.

В Петербурге или, скажем, в Москве основным промыслом таких беспризорников является торговля газетами, здесь, судя по всему, этаких заведений еще не наличествует. Губерния пока еще не обзавелась собственной типографией. Впрочем, оно и понятно, принимая во

внимание местный политический колорит, обязанный своим пребыванием здесь событиям на сенатской площади в двадцать пятом году.

– Куды прикажите, барин? – поинтересовался извозчик, остановив упряжку подле Фалька.

– А что, братец, знаешь усадьбу князей Арсентьевых? – ответил Иван Карлович вопросом на вопрос и вручил мальчонке бублик вместо обещанного пряника. Тот подмене нисколько не огорчился, сунул угощение за пазуху и, завидев дворника, с удивительной поспешностью исчез за углом ближайшего дома.

Детина заметно переменялся в лице, помялся мгновение-другое, раздумывая о чем-то своем, и пробасил извиняющимся тоном:

– Оно как не знать! Уж больно далече, ваш бродие. Ведь оно, почитай, через лес. Не серчай, барин, а только не повезу тудуть! Оно как хотите не повезу. Помилуйте, детки малые дома заждались, и кормилица вон пристала за день-то...

– Так ведь я в долгу не останусь! – воскликнул не ожидавший такого поворота событий штаб-ротмистр и тот же час принужден был отступить назад, дабы не попасть под копыта «приставшей кормилицы».

– Эх, барин... Прощения просим... – донеслось уже издалека.

– Чудно-с! Вот ведь на мою голову, какая неудача! – проговорил ему вслед Фальк и задумчиво поправил съехавший набекрень цилиндр.

Эх, и отчего, только нельзя было добраться на почтовых прямо до места?

Так и стоял он посреди улицы, точно ударенный обухом, разведя руки в стороны и глядя вслед удаляющимся дрожкам, когда сзади раздался тихий, по-кошачьи мягкий голос:

– Позвольте мне вместе с господином-извозчиком, принести вам глубочайшие извинения, милостивый государь! Боюсь, я стал невольным свидетелем случившегося и смею утверждать, что фортуна от вас совершенно не отвернулась! О, будьте на этот счет покойны-с. Она, напротив, оборотилась к вам всем своим замечательным ликом! В моем, выходит, лице. Хе-хе-с!

Отставной штаб-ротмистр поглядел назад и увидел перед собой давешнего посетителя почтовой конторы, которого он, торопясь поскорей завершить свои дела, четверть часа назад едва удостоил взглядом. Посверкивая стеклышками пенсне, незнакомец коротко поклонился.

Это был средних лет господин в черном элегантном сюртуке и брюках, в жилете из дорогого сукна. Руки его сжимали лакированную трость с массивным набалдашником. Лицо незнакомца обрамляла элегантная бородка, выдававшая в нем человека не государственного и притом самых смелых взглядов.

Фальк чуть приподнял цилиндр.

– Прошу прощения?

– Ах, видите ли, сударь, мне и самому нынче нужно в усадьбу к Арсентьевым! Смею ли я надеяться, что вы составите мне компанию? Ну, не смотрите на меня так, точно я вам на собственном горбу предлагаю прокатиться, хе-хе-с! У меня там бричка, чуть дальше по Дворянской... – пояснил незнакомец и небрежно махнул рукой.

Молодой человек машинально повел глазами в указанном направлении. Другой конец улицы таял в сгущающихся сумерках и разглядеть бричку, даже если она там действительно была, не представлялось возможным.

– Разрешите представиться. Нестеров, Вадим Сергеевич.

Иван Карлович назвал и себя.

Глава третья

В небесных сферах происходила истинная баталия. Полная луна серебряным светом, словно пиками, пронзала и рвала то и дело набегавшие на нее непроглядные полчища туч. Оттого вокруг становилось то светло, почти как днем, то вновь распространялась повсюду крошечная чернота.

Над лесом, проворно кружа между густых крон, бесшумной тенью летел огромный филин. Он чуть слышно взмахивал широкими крыльями и на какое-то время застыл в прохладном ночном воздухе, высматривая себе добычу. Внезапно его перьевые уши слегка колыхнулись, хищно изогнулись когтистые лапы, и он камнем бросился вниз, к земле. Казалось, ничего не могло помешать торжеству охотничьего инстинкта, и вдруг темноту пронзил луч желтоватого враждебного света. Филин с обиженным уханьем устремился прочь.

Чудесным светочем оказался стеклянный масляный фонарь. Он был прикреплен к старенькой бричке, поспешавшей по чуть заметной в ночи дорожной колее. Чадающий светильник едва выхватывал из черно-синей мглы силуэты деревьев и частые глубокие лужи, зеленоватой жижей блестящие прямоком на пути.

– Так, значит, вы – доктор? – спросил Фальк, трясаясь на жестком сиденье и по привычке не выпуская из рук длинный атласный сверток.

– Точно так-с, врач. У меня здесь собственная практика, – с готовностью отвечал новый спутник штаб-ротмистра.

От города до имения князя Арсентьева было не далеко, но столбовой тракт, приведший Ивана Карловича в Курган, остался в стороне и удобства оттого заметно поубавилось. Лесная дорога капризна и непредсказуема, особенно если преодолевать ее выпадает после заката. Все норовит она завести в глубокую чашу, а то и подцепить нежданного гостя сучковатой корягой, сунуть ее промеж колесных спиц.

Фальк в который раз порадовался своему нечаянному везению, и впрямь, выходит, удача не оставила его. Благодарение судьбе, не пришлось еще одну ночь провести в опостылевших гостиничных комнатках, в компании мышей, холодной телятины и шумных соседей.

Помимо прочего, в лице Вадима Сергеевича он приобрел отменную возможность чуть больше разузнать про поместье Арсентьева – место, в котором ему предстояло провести несколько дней, а может статься, что и недель. Штаб-ротмистр, конечно, навел все необходимые справки еще в Петербурге, однако глупо было бы упустить случай. Кто как не человек бывающий, а то и живущий, у Дмитрия Афанасьевича может лучше поведать об имении и заведенных там правилах.

– Простите мне излишнее любопытство, – начал было Иван Карлович, но доктор Нестеров немедленно его перебил.

– Да вы спрашивайте, Иван Карлович, батюшка, спрашивайте! Это ничего-с, что я вас батюшкой-то называю? Оно не сочтите, Бога ради, за какую фамильярность. Видите ли, тут не столица, а потому все устроено гораздо проще, без фанаберии. Вы только вообразите, здесь даже к городничему на именины запросто являются в сюртуках. А! Каково!

– В самом деле? – заинтересовался Фальк. – И что же совсем не носят фраков?

Вадим Сергеевич с обезоруживающей улыбкой покосился на щегольской наряд отставного штаб-ротмистра.

– Совсем-с. Разве только я один. Да и то, сказать, только поначалу, голубчик вы мой, только поначалу!

– Боюсь что, в таком случае, мой гардероб станет прекрасным поводом для шуток, – похлопал Иван Карлович ладонью по саквяжу. – Выходит, вы – не здешний?

– Что вы-с, я в этих пенатах тоже новичок-с! Явился сюда на Ивана Купалу. Приехал в гости к старому боевому товарищу, да так и прижился. До того «пондравилось»! – ответил Нестеров и негромко рассмеялся.

Он вообще много смеялся и, кажется, был человеком веселым. Штаб-ротмистр заметил это еще в Кургане, формируя первое впечатление о своем свежеиспеченном знакомом. Пожалуй, такие люди приходились ему по душе.

Услышав про боевого товарища, Фальк осторожно поинтересовался:

– Позвольте, ваше благородие, неужто вам приходилось принимать участие в военных действиях? Уж верно, на Кавказе?

– Полноте-с! Дорогой Иван Карлович, какие тут промеж нами благородия? Помилуйте-с! – поморщился доктор. – Прошу, давайте будем с вами по-простому! К чему чиниться? Ведь оно прямодушию верный убыток!

Штаб-ротмистр неуверенно улыбнулся в ответ, не до конца решив, как следует держаться с этим человеком. Веселость Нестерова имела явный привкус циничности. Не злобы, а самой обыкновенной насмешливости, присущей врачам и ученым, преклоняющимся исключительно перед авторитетом естественных наук. Других они не признают, а над правилами, установленными в обществе, снисходительно посмеиваются. Консервативно настроенный петербуржец укоризненно покачал головой.

Не подозревая, что стал объектом анализа молодого столичного сноба, Нестеров не без вдохновения продолжал, активно помогая себе жестикуляцией:

– В этих краях вообще все иначе, государь мой! Там – власть и порядок, ну или, по меньшей мере, к тому стремление. Там – бушуют страсти мировых масштабов, там – «декабристы» и Кавказ. Впрочем, «декабристы» как раз здесь, а не там, но вы же понимаете, что я имею в виду, любезный Иван Карлович.

Иван Карлович проявил любезность чрезвычайно внимательным и настороженным молчанием. Казалось, доктору не требовался собеседник, он обращался одновременно и к нему, и к самому себе.

«Декабристы-декабристы... кого же это он так приложил? Небось, бунтовщиков, часть из которых государь отправил сюда на ссыльное проживание. Как раз ведь в декабре переделку учинили», – мимоходом подумал молодой человек. – «А что, оригинальная дефиниция!».

– Отсюда все это кажется таким ненужным, – говорил Вадим Сергеевич, – наносным, искусственным. Посмотрите вокруг, друг мой, здесь физически ощущается вечность и красота. Признайтесь, разве не почувствовали вы что-то такое? Ах, мне не найти слов, я... и вы должны меня за это непременно извинить... часто забегая мыслями наперед и оттого не умею лучше изъясниться. Впрочем, смею надеяться, что вы понимаете меня? Ну, оглянитесь же, оглянитесь!..

Оглядываться Фальк, понятно, не стал, все равно сейчас было невозможно что-либо разглядеть, да и к выдвинутому предложению явно следовало отнестись как к словесной фигуре, однако взволнованная речь доктора была ему и впрямь не так уж непонятна.

Он вспомнил, как почувствовал нечто подобное в первую минуту своего знакомства с городом Курганом. Однако был крепко убежден, что этому не следовало придавать особенного значения. Так, должно быть, происходит со всяким, кто приезжает в малое селение из более крупного и ощущает этакий дух первобытности. Впрочем, для излишне впечатлительной натуры в этом, пожалуй, действительно кроется ловушка. Тут главное – не увлечься.

– Вы только не потешайтесь надо мной, господин штаб-ротмистр, но я даже нашел себе здесь увлечение! Начал писать стихи-с... оттого, собственно, и остался. То есть, я хочу сказать, не оттого, конечно, а из-за некоего ощущения, которое делает возможным эти самые стихи сочинять... ну вот опять, видите, как путано излагаю... а, впрочем, не угодно ли, если я вам зачту-с? Да вот, пожалуй, хоть отсюда:

*...Не хочу я большие строгости гранита,
Пристыли мне чугунные ограды!
Не сладок мне победы сизый дым,
И не желанны более военные награды!
Ах, право господа, я словно...*

– Господь с вами, ваше бла... Вадим Сергеевич! Прекрасно вас понимаю! И про вечность, и про поэзию. Я и сам, в своем роде, не чужд высоких материй.

Какой бы длинной не была дорога, рано или поздно она приведет их в усадьбу его сиятельства. Фальку не терпелось узнать что-нибудь действительно важное, прежде чем их путь завершится.

Вот взять, к примеру, самого Нестерова. Любопытно, что он за человек, какого полета птица? Почему здесь? Доктор же, невзирая на изрядную словоохотливость, говорил не о том. Следовало немедленно оставить бесполезное словоблудие и повернуть беседу в практическое русло.

Молодой человек, воспользовавшись последней тирадой Вадима Сергеевича, вновь задал вопрос, на который несколько минут назад так и не дождался ответа:

– Позвольте поинтересоваться, о каких наградах идет речь? Они реальны или это просто образы? Вы, кажется, упомянули Кавказ?

– А? Как? – Нестеров словно только сейчас заметил устремленный на него взгляд. – Награды? Ну, разумеется, военный человек завсегда остается военным-с! Не так ли, господин отставной штаб-ротмистр? Кхм... Награды действительно есть. Я удостоился их еще в двадцать девятом, когда состоял корабельным лекарем на бриге «Меркурий». Да-с, на том самом, друг мой. Ходил под парусом в тех местах, где и зимой можно запросто обходиться без калош. Можете вы мне поверить?

– Батюшки! На том самом «Меркурии»? В русско-турецкую войну? – округлились и без того большие глаза Фалька.

Вадим Сергеевич лениво махнул рукой, но по всему было видно, что остался доволен достигнутым эффектом.

– Истинно так-с, Иван Карлович! Нос его, помнится, украшала резная фигура древнегреческого бога «Меркурия», в честь которого и был, как вы понимаете, назван наш корабль. Я и поныне отчетливо затвердил в своей памяти каждую его деталь. До мельчайших подробностей. Да-с! Это было знатное суденышко, занятные были времена-с. Ах, знали бы вы, друг мой, как переполняла меня гордость, когда глядел я сквозь пенные волны-буруны на мачту и вымпелы «Флоры». То есть как, вы не знаете «Флоры»? Сие есть фрегат, сударь вы мой. Фрегат Его Величества, что сопровождали мы из Варны в Одессу. Впрочем, вынужден на этом самом месте разочаровать вас, милостивый государь. Я не был участником того, как вижу известного вам, сражения, когда капитан Казарский в одиночку отбил от двух линейных турок. Мне, увы, пришлось сойти на берег некоторыми днями раньше. Хотя, как знать, быть может, это было очень даже кстати, признаюсь вам вояка из меня еще тот!

– Должно быть, из-за ранений? – предположил штаб-ротмистр, ничуть не разочаровавшись и, кажется, вовсе не обратив внимания на выказанный доктором в отношении самого себя скептицизм.

– Точно так-с! Вы правильно сейчас сказали, друг мой. Только не из-за моих ранений, а команды. Дело в том, что тремя, может, четырьмя днями ранее Александр Иванович – наш любезный капитан – тогда только-только получивший свое назначение на «Меркурий», предпринял смелый рейд на турецкий транспорт. Это случилось близ берегов Анапы. Мы взяли много пленных и почти совсем не понесли потерь, но раненных было в избытке. Я лечил каж-

дого, вне зависимости от того православный он или турка. Всякий у Бога человек! Однако ресурсов, которыми располагает корабельный доктор, было, мягко говоря, недостаточно. Вот нам и пришлось покориться обстоятельствам и определить страждущих в ближайший дружественный порт. Врачебный долг не позволил мне покинуть своих пациентов в трудную минуту. Я, разумеется, по приказу капитана, остался с ними на берегу. А вечером того же дня «Меркурий» ушел. Тогда-то все и случилось.

– Честное слово, Вадим Сергеевич, вы самый настоящий герой! – воскликнул Фальк и шлепнул ладонью о колено. – А больше вы не плавали? И как вас после всего этого занесло в Курган? Я, признаться, изрядный охотник до подобных историй!

– Нет-с, Иван Карлович, не ходил-с! Вы человек сухопутный и не знакомы, может, с тонкостями морской терминологии, однако прошу вас впредь не допускать столь нелестных уху моряка ошибок. Да будет вам известно – плавает только... сор! Впрочем, возвращаясь, друг мой, к вашему вопросу, отвечу-с, что с той самой поры я навсегда покинул флот Его Императорского Величества и обзавелся частной практикой. Сначала в Москве златоглавой, а теперь перебрался в уезд. Потянуло что-то на старости лет к земле, на покой. Укатали крутые горки дряхлого конягу.

Фальк пробормотал извинения.

– Помилуйте, пустое-с, – беззаботно улыбнулся доктор, взгляд его лучился приязнью.

Какое-то время они ехали молча. Тишину нарушал только противный скрип неважно смазанного колеса.

– Так вы у Арсентьевых теперь стоите?

– Что вы, Иван Карлович! – откликнулся Нестеров. – Я в Кургане квартирую. Арендную флигелек у Сухаревского купеческого дома. Где, выходит, стоим, там и работаем-с. Оно и удобно так, и экономно. Не дворец, конечно, но для одинокого бобыля в самый раз. Вот приедет из Первопрестольной Варвара Захаровна моя с девочками, тогда и станем думать о расширении жилого пространства.

– Супружница?

– Точно так-с, сударь, – подтвердил догадку Вадим Сергеевич, – суженая-с! Со дня на день дожидаясь. Они в монастыре нынче остановились с дочками, запомнил как бишь его, Далматовский, что ли. Очень уж матушка моя религиозна. Прислала письмо. Так, мол, и так, прости, любезный друг, не смогла мимо этакой красотищи проехать.

Фальк сопроводил его слова согласным кивком.

– Эх, Варвара – голубиная душа-с! Всякий раз ищет спасения у попов. Дикость это.

– Отчего же дикость? Позволю себе в этой точке не согласиться с вами, Вадим Сергеевич! Каждый ищет спасения, где его сердцу легче. Утешение оно всем требуется, точно соломинка для утопающего! Сие, уверяю вас, явление универсальное, частность только в самой соломинке и сидит. Один находит ее в водке, другой укрепляется в вере, а кто-то подчас и вовсе... – Иван Карлович выдержал паузу, – ...стихи пишет-с.

Нестеров удивленно поглядел на него, моргнул раз-другой, а затем вдруг разразился оглушительным хохотом.

– А вам палец в рот не клади, голубчик вы мой! Да-с, смех и грех называется! Да-с! Правы, стократ правы, милейший Иван Карлович! Каждый из нас – «человеков» – на свой лад сумасшедший. Всяк по-своему!

Штаб-ротмистр поймал себя на том, что вслед за Вадимом Сергеевичем растягивает губы в преглупой улыбке. Чуть помедлив, он снова заговорил:

– Так позвольте все-таки спросить, что ведет вас к Арсентьеву в столь поздний час? Надеюсь, вы не из-за меня пустились в этот путь?

– Видите ли, друг мой, князь Арсентьев мучается животом, а поскольку доктор, пользовавшийся до того местное дворянское сословие, приказал долго жить, его сиятельству больше не

к кому обратиться. На всю округу кроме меня нет ни одной живой души, обладающей должным уровнем квалификации и опытом. Если, конечно, не считать нескольких фельдшеров из городской больницы, двух-трех повитух и престарелого мастера зубных дел.

– Так вы лечите самого князя?

– И князя, – согласился Нестеров, – и сестрицу их Софью Афанасьевну, и Вебера Константина Вильгельмовича – станового пристава, и даже самого городничего! – он опять негромко рассмеялся. – Только не подумайте, Иван Карлович, ради Бога, что от каких-то особенных заслуг! Так, за неимением!

– Вне всяких сомнений, вы к себе несправедливы! – уверил Фальк скромничающего слугу медицины.

– Вот и сегодня, – продолжил доктор, – чуть только уладил дела, сразу было к князю, раздобыл ему кое-какое снадобье, к слову сказать, преотменное! Но вышла заминка, прибыл нарочный от господина Бриген... Пардон, в целях соблюдения принципа конфиденциальности давайте с вами забудем фамилию, которую я только что произнес. Словом, у одного из моих пациентов приключился острый приступ подагры. После еще, как вам известно, заскочил на почту. Короче, припозднился. Да оно ведь для вас, Иван Карлович, даже и лучше вышло.

– О, безусловно! Вы даже и не представляете, насколько я вам благодарен! Право, только вообразу себе очередной ночлег на постоялом дворе... брр! Нет уж, увольте, слуга покорный. Отныне, Вадим Сергеевич, я навеки ваш должник! Просите меня, о чем сами хотите, я не приму отказа! Кстати сказать, об отказах... Меня разбирает любопытство, почему городской извозчик не пожелал отправиться к князю? Неужели и впрямь леса испугался? – тут он понизил голос и перешел на шепот. – Здесь что, пошаливают, да?

Лицо титулярного советника впервые за все время приняло непривычно серьезное выражение. Он надолго замолчал, точно обдумывая, стоит ли отвечать на этот вопрос.

– Бывает, что и пошаливают. Как без того? Но боюсь, Иван Карлович, голубчик, что дело здесь в другом. Видите ли, местных больше тревожит не лес, а само поместье Арсентьевых.

– В самом деле? – нахмурился молодой человек.

– Поверьте, у них есть на то причины, и, признаюсь вам, что совершенно небезосновательные. Хотя большей частью все это, конечно, нелепые слухи и страшные басни. Не более того! Да вы, наберитесь терпения, друг мой, скоро сами все узнаете. Впрочем, вот я вас, о чем, стало быть, желал бы предупредить...

Не успел он окончить фразы, как колесо экипажа с размаху налетело на древесный корень, что сверх меры разросся на пути. По светлому времени объехать его не составило бы особого труда, но только не теперь. Не в бледном мерцании фонаря.

Кони безо всяких трудностей и с видимым равнодушием перешагнули распростертое на дороге препятствие, однако бричке препона оказалась не по зубам. Коляску подбросило на добрую сажень и с изрядной силой швырнуло обратно. Стекланный футляр светильника немедленно отозвался высоким жалобным звоном, и в один миг сделалось вокруг совершенно темно. Ну, хоть ты глаз коли.

Доктор, едва удержавшийся на облучке, мгновенно спохватился и поспешил остановить упряжку, дабы ненароком не наскочить на что-нибудь еще. Лошадки-умницы послушно встали, закивали вихрастыми головами.

– Проклятье! Вы целы, Иван Карлович? – послышался в кромешной тьме сдавленный голос Нестерова. – Не зашиблись? Где вы там?

Ответа не последовало. Лишь беспокойно всхрапывали кони.

– Господин штаб-ротмистр, да живы вы что ли? Иван Карлович, батюшка!

– Я невредим, Вадим Сергеевич, не извольте беспокоиться, – откликнулся Фальк, но отчего-то не здесь, не рядом, а откуда-то справа.

– Господи, как вы меня напугали! Тысяча извинений, сударь, недоглядел! Где вы? Да точно ль целы? Я...

– На что это мы так? На пень?

– Похоже на то. Пень или коряга, черт его разберет. Вот уж неожиданно-негаданно!

Любопытно, подумал Иван Карлович, в минуту опасности Нестеров совершенно преобразился, из речи его полностью исчезли словоерсы, фразы стали короткими, точными. Он более не сопровождал их словесными кружевами. Скажите, какая интересная реакция. Не раз уже доводилось Фальку, невзирая на молодость, наблюдать как те или иные люди ведут себя в тревожной обстановке. Кто-то цепенеет, точно замороженный, кто-то начинает без умолка тараторить, а кто-то мгновенно мобилизуется и становится похож на сжатую до отказа пружину. Последнее качество обнаружилось и у доктора. По всему видать, военная косточка!

– Постойте-ка, что это здесь? – крикнул штаб-ротмистр. – Вроде не дерево!

– Что-что? Да где вы, в самом деле, Иван Карлович? Все вам шутки шутить, полноте! – Доктор явно беспокоился.

– Здесь я, в траве у дороги, видно выпал, когда столкнулись. Руки-ноги, кажется, целы. Повезло... Черт, не видно не зги!

Точно по заказу, в небесном сражении снова наметился коренной перелом. Горделиво сияющей луне, наконец, удалось отбросить от себя черные щупальца облаков, и все пространство вокруг залилось мягким таинственным сиянием.

Голоса обоих путников, внезапно приобретших возможность видеть, раздалась практически одновременно.

– Бог ты мой! Что это?..

– Черт подери!..

Иван Карлович смотрел и видел перед собой яму, в которую чудом не свалился мгновение назад! От края страшного черного зева его отделяла всего одна пядь. За ямой покосившимися ветхими крестами щерилось небольшое кладбище, чуть не полностью затерявшееся в бурьяне. У самой дороги высился ладный часовенный столб. Всякий, приглядишься он хорошенько, без труда мог бы разобрать иконку Николы Чудотворца, заботливо укрытую кем-то от дождя маленькой дощатой крышей. Огарки свечей и вытопанная у основания часовенки трава указывали на то, что столб не был заброшен.

– Тут какая-то яма, – пробормотал Фальк, медленно вертя головой.

Этакая картина и днем кого угодно способна была лишить присутствия духа, а уж ночью и подавно довести до полусмерти, потому молодой человек невольно вздрогнул, когда рядом бесшумно выросла черная фигура Нестерова. Тот с угрюмым сосредоточием рассматривал что-то у себя в руках и отчего-то сжимал подмышкой трость, словно боялся ее потерять.

– Не яма, могила! Видно вырыли загодя, да не пригодилась. Сие есть «Баринов погост», – пояснил доктор, даже не взглянув на жуткий пейзаж. – Тут с давних пор хоронят арсентьевских крепостных.

Петербуржец приподнялся на локте и покосился на своего собеседника.

– Голубчик, оно, конечно, не мое это дело... – Вадим Сергеевич громко прочистил горло, – но ежели то не тайна, сокрытая за семью печатями, быть может, вы откроете мне какое у вас, собственно, дело к Дмитрию Афанасьевичу? – с этими словами он протянул Фальку чуть раскрывшийся от падения продолговатый сверток. Край атласной материи наполовину сполз и обнажил витые гарды двух дуэльных шпаг в дорогой оправе. Серебряные блики тотчас заиграли на холодных лезвиях. – Кто вы, собственно, такой, Иван Карлович?

По всему было видно, что доктору только сейчас пришло в голову поинтересоваться, в конце концов, кого он в своей беспечной любезности взялся доставить к князю. Не убийцу ли, не вора?

Молодой человек неторопливо поднялся на ноги, коротко отряхнул испачканные панталоны, затем фрак и с достоинством произнес:

– Я, Вадим Сергеевич, имею честь и удовольствие состоять в чине старшего фехтмейстера при Павловском кадетском корпусе. Ныне, правда, пребываю в отпуску. Явился сюда по личному приглашению его сиятельства князя Арсентьева с целью преподавания серии уроков. В партикулярном качестве.

Совсем немного времени понадобилось, разогнанным было тучам, что бы снова сбиться темной гурьбой или, выражаясь по-военному, перестроить прореженные неприятелем порядки, да навалиться, как следует, на опостылевшее небесное светило.

Учитель фехтования едва успел бросить взгляд на зияющую могилу, прежде чем вокруг вновь сгустилась тьма. Он проговорил, ни к кому особенно не обращаясь:

– Так значит, вы полагаете, все это не более чем страшные басни?

Глава четвертая

Ему снова повезло. Иван Карлович никогда не был баловнем судьбы и не причислял себя к счастливым, повенчаным ее высочеством удачей. Однако иногда с ним приключалось совершенно удивительное!

У каждого время от времени бывают такие моменты, когда все не так как хотелось бы, все шиворот-навыворот. Скажем, ждешь ты пригожего солнечного дня, так обязательно проснешься утром под звуки ливня и раскаты грома, а если, к примеру, чаешь покоя, тотчас непременно понадобится кому-нибудь и хорошо еще, если и впрямь без тебя никак не обойтись.

У Фалька же напротив, выпадала иногда череда невероятного везения. Вот и сегодня он единственно чудом ничего не повредил себе, когда выпал на ходу из коляски. Чудом не свергся в жуткую могильную яму, чудом не налетел на какое-нибудь дерево. Но самый главный фокус фортуны заключался в ином – досадное дорожное происшествие случилось у самой кромки, казалось, непреодолимого леса. Очутись на месте штаб-ротмистра кто иной, менее везучий, светильник обязательно бы разлетелся прямо посреди лесного массива и не миновать тогда горемыке по-осеннему холодных часов, проведенных в темной чащобе в ожидании утра. Далеко ли уедешь без фонаря?

Двигаясь на просвет, путники покинули Баринов погост, и исполинские деревья немедленно расступились в стороны, сжалившись над неразумными людьми. Бричка словно в глубокий омут окунулась в продуваемый вдоль и поперек веселым ветром ночной простор и неспешно покатила меж полей, мало-помалу выбирая дорогу. Лошадки, приободренные открытым пространством и сладкой морковкой, заботливо припасенной доктором, сами находили путь, спеша поскорей очутиться в теплом пропахшем сеном стойле.

– Вадим Сергеевич, печевом потянуло, не находите? – спросил у своего спутника учитель фехтования, вытягивая шею.

Доктор Нестеров шумно втянул носом воздух и пожал плечами.

– Боюсь, Иван Карлович, мое обоняние значительно уступает вашему! Однако вы правы, поместье его сиятельства уже неподалеку. Видите, эти уголья? Здесь начинается арсентьевское приусадебное хозяйство, там дальше крестьянские избы, а уже за тем пригорком и сама усадьба.

– Плодородны ли у князя почвы? Должно быть, это составляет его основной доход?

– Что вы-с! – Вадим Сергеевич добавил в свой голос толику снисходительности, с какой обыкновенно учитель обращается к своим нерадивым ученикам. – В уезде столь развито земледелие, что всякая коммерция такого толка заранее обречена на фиаско, друг мой! Как вы могли обратить внимание, здесь даже и в самом городе чуть не у каждого в заводе свой огорожок, своя, так сказать, латифундия-с.

Фальк не был до конца уверен в значении последнего слова, а потому предпочел на всякий случай промолчать и вновь устался в ночь.

Упряжка спустилась в поросший ракистой овражек, что бы в следующий миг устремиться вверх по склону холма вслед за петляющей проселочной дорогой. Утомленные скакуны не без усилия взобрались на вершину, и перед странниками открылась живописная панорама, чарующая взор даже в неверном лунном сиянии.

Иван Карлович готов бы был поклясться, что сам Щедрин, профессор Академии Художеств, не нашел бы в этом зрелище изъяна, сочтя его достойным прославленной кисти.

Усадьба князя Арсентьева расположилась посреди небольшой уютной долины, огороженной холмами с одной стороны, да неширокой и по виду мелкой рекой – с другой. За этой речушкой и примыкающей к ней затянутой ряской заводью, что так таинственно посверкивала

сейчас под ночным светилом, черной стеной высился сосновый бор, одновременно страшный и сказочный. Вот уж где, воистину, легко представить себе обиталище былинной нечисти.

Сам дом, в котором много лет проживал Дмитрий Афанасьевич Арсентьев, был выстроен в Александровском стиле и не уступал лучшим образцам современного зодчества. Ни великолепием белоснежных колонн, ни вычурностью лепнины на высоком фронте. Стены его были выкрашены желтой краской, крыша имела зеленоватый цвет, хотя в потемках не вдруг разберешь. От реки господский дом отделял старинный сад с аккуратно разбитыми тропинками. К высокой веранде, опоясывающей добрую половину строения, вела невеликая аллея заботливо подстриженных кустов боярышника и сирени, кое-где разбавленная клумбами белых роз. А чуть поодаль, за крошечным прудом, у осинника, сгрудились подсобные сооружения, жмущиеся друг к другу точно цыплята в поисках тепла. Все эти амбары и конюшни, как видно, нарочно были отставлены поодаль неизвестным губернским архитектором, дабы не загромождали они своим неказистым видом барского жилища.

– Ба! Да у князя снова не спят-с! – проронил Вадим Сергеевич и добавил, встретив вопрошительный взгляд учителя фехтования. – Как и всегда, к слову сказать. Видите ли, Дмитрий Афанасьевич обыкновенно изволят бодрствовать половину ночи и поднимаются ни свет ни заря. Они полагают, что человек и без того слишком подолгу спит. А с ним маются и прочие тамошние. Так уж у них устроено. Я пытался втолковать его сиятельству про чрезвычайную важность сна, но, увы, тщетно-с.

Действительно, несмотря на позднее время, в длинных окнах особняка плясали озорные огоньки. Призывно манили обещанием тепла и уюта. Фальк задумался, хватит ли его сегодняшнего везения еще и на ужин. Или это уже будет непомерная роскошь?

Однако вслух он заговорил о другом.

– Кстати, сударь, коль скоро вы упомянули про «тамошних», не затруднит ли вас, хотя бы в двух-трех словах, поведать мне, что за общество найду я у князя? Много ли домочадцев?

– В двух-трех словах? Помилуйте, дорогой мой Иван Карлович, тут не хватит, пожалуй, и ста! Нет-нет, гостей навовсе не много-с, просто мне не хотелось бы заранее вас предварять. Сами сейчас со всеми познакомьтесь. Словом, уверяю, вам не будет здесь скучно!

Не удовлетворившись уклончивым ответом, Иван Карлович недовольно поерзал на сиденье и решил остаток пути посвятить молчаливому созерцанию приближающейся усадьбы. Взгляд его машинально перескакивал с одного объекта на другой. Там колодец с длинным журавлем, там собачья конура, там скотный двор, а дальше, кажется, баня. При желании Фальк взялся бы даже пересчитать количество ступеней у крыльца парадного подъезда.

– Добро пожаловать в имение Арсентьевых, милостивый государь мой! – доктор в приглашающем жесте повел рукой, точно сам бы владельцем этого имения. – Господин Фальк, вы не возражаете, если я стану править сразу к конюшне?

Не переставая с любопытством глазеть по сторонам, Иван Карлович рассеяно проронил звук, который при известной доле воображения легко можно было бы принять за согласие или, на худой конец, заключить из него отсутствие каких бы то ни было возражений.

Бывший корабельный врач уверенно направил свой экипаж вокруг неглубокого пруда, не забывая поминутно снабжать молодого человека необходимыми, как ему казалось, комментариями.

– Здесь службы и сараи, или, как выражается Холонев, ферма-с. Там за речкой еще помещичья земля, славная на весь уезд пушшиной, корабельной сосной и пасаками. А еще дальше у князя отъезжие поля, очень уж они охоту любят-с! Можете ли себе вообразить, нарочно для того содержится в местной псарне никак не менее двенадцати смычков гончих, да борзых числом около того же.

– Четырнадцать свор, Вадим Сергеевич, – произнес вдруг кто-то внушительным, чуть хриловатым баритоном. – Теперь четырнадцать.

***

Из густой тени, падающей от бревенчатого угла конюшни, навстречу припозднившимся путникам двинулся высокий мужчина в сером дорожном пальто с кистями и поношенной ситцевой фуражке. Сапоги его влажно блестели.

– О прошлую неделю взяли еще собачек на ярмарке. Здравствуйте, доктор! Я тут карету раскладывал, чую, никак едет кто-то, прислушался. Ба! Так навовсе обо мне разговор-то... чудно-с право! С кем это вы приехали?

Вадим Сергеевич нисколько не стусевался, лишь расплылся в широкой улыбке, и без того почти никогда не покидающей его умного лица, ловким для своего возраста движением спустился с облучка и ответил, сверх меры затянув рукопожатие:

– Доброго вам прохладного вечера, любезнейший Владимир Матвеевич! Что-то позденько вы за лошадаками ходите-с! Катались куда? Ладно, мы, горемычные, ночь-полночь все в дороге, все в пути. Впрочем, – доктор одернул сам себя, – не пристало гостям задавать вопросов, не ответив сперва на те, что уже были заданы. Позвольте представить вам моего спутника. Господин Фальк Иван Карлович. Прибыли-с по приглашению его сиятельства. Будут обучать здесь шпажному бою.

Иван Карлович перемахнул через бортик коляски, приблизился к беседующим мужчинам и наклонил вперед свой гибкий стан.

Тот, кого Нестеров назвал Владимиром Матвеевичем обжег штаб-ротмистра пытливым взглядом и стянул фуражку, являя нечесанные кудри того же черного оттенка, что и жесткая щетина, украшавшая его щеки и шею.

– Как же! Давненько вас поджидаем, Иван Карлыч! Отчего задержались-то? Аль в дороге что стряслось-приключилось? Ничего, надеюсь, серьезного? В любом случае рады видеть вас в добром, как говорится, здравии. Я – Холонев. Управляющий.

– Безмерно рад знакомству, Владимир Матвеевич, – произнес Фальк, отметив про себя, что ему управляющий ручку отчего-то не протянул, не удостоил. – Действительно, в пути вышла некоторая заминка, однако подробности оной, я, с вашего на то дозволения, утром поведаю князю. Лично.

– Отчего же утром? Можно прямо сейчас, за ужином. Не угодно ли откусать чем Бог послал? Мы тут поздно садимся.

Фехтмейстер задумчиво потер переносицу и мельком покосился на Нестерова, тот всем своим видом как бы желал выразить: «Вот видите? Что я вам говорил!».

– Пожалуй, – неуверенно вымолвил Фальк. – Вот только куда уж в таком виде?.. Не затруднит ли вас, сударь, сперва отвести мне какую-никакую комнатенку, дабы я мог должным образом привести в порядок свой туалет?

– Вот с этим, сдастся мне, теперь затруднительно, – Владимир Матвеевич снова водрузил на голову фуражку. – Ничего-с, что-нибудь придумаем. Пожалуйте за мной, господин учитель фехтования. Холонев для вас собственной хоромы не пожалеет. Айда вот сюда, срежем через «Колоссею».

Он сделал шаг-другой куда-то по тропинке, забирающей вправо, и, оглянувшись на мгновение, спросил:

– Доктор, а вы что же к нам не присоединитесь?

– Ступайте себе, господа, ступайте-с! – промурлыкал Вадим Сергеевич, вплетая пальцы в пышную гриву своего конька. – Я тут справлюсь и тотчас явлюсь, что волны морские на зов Посейдона.

– Ну, как знаете. Осторожно, штаб-ротмистр, здесь темно, не поскользнитесь на камушках, – отозвался черноволосый и, не мешкая более ни мгновения, отправился прочь, шумно топоча ногами.

Скажите, какая забота, подумал Иван Карлович, кивнул на прощание Нестерову и поспешил следом за управляющим, не забыв при этом захватить из брочки свой саквояж и шпаги, вновь бережно обернутые атласом.

Холонев коротко глянул через плечо.

– Что у вас там? Рапиры? Солидные, – заметил он уважительно.

Фальк не ответил, только крепче прижал к себе сверток, таящий оружие, обладающее помимо упомянутой солидности куда более значимое свойство – смертоносность. Петербуржцу решительно не симпатизировал этот хриплогосый господин. Для управляющего у него были слишком дурные манеры. И потом, в каком смысле теперь затруднительно с комнатой? Сам же сказал-де, ждем – мочи нет! Это что же выходит, ждали-ждали и не дождались? Странно. Честное офицерское, странно!

Арсентьевский камердинер шел, более не оборачиваясь, да так быстро, что Иван Карлович едва за ним поспевал, пытаясь не выпустить из виду серое пальто, неясным пятном расплывающееся в ночи. Молчание становилось неловким и даже невежливым, потому молодой человек решил-таки удовлетворить свое любопытство.

– А что, позвольте осведомиться, за «Колосея» такая? Разумеется, если я правильно вас расслышал?

– Правильно расслышали. А вона, извольте поглядеть, коль интересуетесь, – с этими словами Владимир Матвеевич мотнул тяжелым заросшим подбородком на громоздкое сооружение, стоявшее опричь прочих построек.

Своим обликом таинственная «Колосея» до странности напоминала огромную деревянную бочку, поставленную на попу и нечаянно позабытую здесь сказочным великаном. Один из краев этой бочкообразной конструкции был замкнут тремя ярусами широких сосновых скамей. Все вместе получалось ни дать, ни взять трибуны, обнесенные по кругу основательным забором с ровной площадкой по центру, образующей что-то вроде сцены.

Фальк присвистнул.

– Неужто его сиятельство поклонник Дурасовской затеи?

– Это вы про статского советника Дурасова, что основал у себя в усадьбе крепостной театр? – уточнил Холонев и остановился подождать засмотревшегося гостя.

С физиономии управляющего не сходила кривая ухмылка, столь гармонично дополнявшая колючий взгляд, что впору самому ему было взойти на подмости и предстать перед публикой в образе картинного злодея.

– Точно так-с. Ныне Государь пожаловал ему действительного. Так вам приходилось слышать про Николая Алексеевича и его «прожект»? – подивился отставной штаб-ротмистр.

– Знамо дело! К слову сказать, у них там ставят весьма недурные водевили. А вы что же, стало быть, думали, мы тут все темнота деревенская и в городах не живали? Нехорошо-с, Иван Карлыч, право!

– Что вы! – молодой человек с ловкостью дворцового интригана изобразил смятение. – Просто я полагал, что подобными развлечениями только мы, питерские, тешимся, ан выходит...

– Может, и выходит, – осек его Владимир Матвеевич и махнул рукой. – Идемте, идемте, а то мы с вами и к утру не доберемся.

И все же, что за неприятный господин! По всему выходит, человек образованный, а гонору-то, гонору! Из характера таков иль, может, из одного только форса? Нарочно он, что ли, пытается преподнести себя этаким сухарём? Вырисовывался яркий, но противоречивый образ – «просвещенный грубиян».

Впрочем, Ивану Карловичу не раз и не два приходилось наблюдать в людях удивительные метаморфозы, производящие во всякой живой душе такие колебания, что после в ней способны были запросто уживаться качества друг другу прямо противоположные. Скромность и

разврат, начитанность и дикость. Или как в этом случае. Высокая образованность, сопровождающаяся совершенно хамскими выходками.

Нынче в Петербурге, например, не редко можно встретить провинциальных юношей, сыновей мелкопоместных дворян и купчин, приехавших в столицу для учебы. На момент поступления в университет от них за версту несет уездом и деревней. Но уже через год, а много два из скромных, прилежных молодых людей, сиречь домашних и до чрезвычайности тихих мальчиков, получают сушие львы. Поклыкастей даже местных. Да и куда там местным! Спроси такого: «Дозволите ли огоньком одолжиться?». Услышишь в ответ надменное: «Не имею, сударь, привычки к табаку». Ни тебе уважительного взгляда, ни благочиния. Нет бы, как надлежит сказать: «ваше благородие» и «табаку-с»! Так какое, всенепременно бросят: «сударь» и «табаку». Сам еще вчера из «Замухранска», а уж манера важная, будто весь Невский на него через лорнетку глядит.

Нужно ли говорить, меняет человека среда, в которую он себя помещает. А ежели возможна метаморфоза «из грязи в князи», так неужели нельзя допустить и обратное перевоплощение, когда «из князи в грязи»?

Так, быть может, и Владимир Матвеевич, живавший по собственным его словам «в городах», здесь, в отдаленном сибирском уезде, вращаясь среди крепостных, изрядно зачерствел. Извинителен ли в таком случае гонор?

Фальк попробовал представить себя на его месте, каково это управлять имением? Как сладить с мужиком? Да ведь, если хорошенько подумать, он и говорить-то с ними толком не умел. Не понимал их. Не ведал ни чаяний, ни нужд. Только иногда жалел.

Вот о чем размышлял в эту минуту молодой фехтмейстер, бросая взгляды на своего провожатого. Более он не пытался завести разговор.

Глава пятая

Пять минут спустя Холонев вывел их напрямиком к едва приметным воротцам, что отворяли изящную невысокую изгородь, отделявшую службы от помещичьего особняка. До просторной, почти открытой веранды было буквально подать рукой. Десятка с два шагов. Всего только и оставалось миновать неизменно дивные, в особенности по весне, кусты сирени. Обрумяненные мягким светом, льющимся из окошек усадьбы, они синели пышной листвой и тянулись продолговатой тенью к неподвижной калитке. Потому со стороны дома Фальк и Владимир Матвеевич казались сущими невидимками. И захочешь, не больно-то угладишь.

Мужчины шли в полном молчании, упругий газон заглушал звук шагов. Не выдали их и воротца, не скрипнули предусмотрительно смазанные петли, не продали, благодарностью отвечая за радение. Они уже почти достигли крыльца, когда с веранды вдруг послышалась взволнованная речь. До слуха отчетливо долетало каждое сказанное слово.

– Ах, мой милый брат, как вы можете меня так неволивать? – колокольчиком заливалась раздосадованная чем-то девушка. – Pourquoi vous m'insultez? (франц. «Зачем вы оскорбляете меня?»).

Ей вторил мужской голос, жесткий и сухой, преисполненный непреклонной воли. Голос, привыкший повелевать.

– Софи, ma chère (франц. «моя дорогая»), к чему ты вынуждаешь меня вновь возвращаться к этой теме? Мне казалось, мы достигли согласия. Право же, ты разочаровываешь меня, сестра!

Иван Карлович набрал воздуха в грудь, дабы учтиво покашлять и обнаружить себя, однако Холонев удержал его за рукав. Послушаем, мол, что еще скажут. С хитрой улыбкой он приложил к губам палец, да еще подмигнул, словно озорник, целящийся из рогатки в новомодную застекленную витрину.

Между тем беседа на веранде продолжалась с нарастающим пылом.

– Нет, я решительно не понимаю... и отказываюсь понимать, отчего должна я связать себя браком с человеком, которого совсем не знаю?! Это противно, пошло... противоестественно, наконец! Да и как же без любви? Ведь я не люблю его! И не нужно так супить свои брови! Ну, скажите же хоть слово, что же вы молчите?

Фальк поморщился, будто от зубной боли, и невольно втянул голову в плечи, ожидая, что в ответ на столь разгоряченную тираду немедленно грянет самый настоящий гром. Вот сейчас, сию минуту! Однако ничего подобного не произошло.

Невидимый собеседник разгневанной барышни, к чести всех мужчин, сумел сохранить завидное самообладание и произнес ровным тоном, спокойно, едва ли ни ласково, как только отец мог бы говорить с проказницей-дочерью, вздорной, дерзкой, но оттого не менее любимой:

– Причем здесь любовь! Ты пойми, Софи, Николай Спиридонович не просто какой-то там насквозь пропахший чесноком купчина. С брюхом до колен и бородой-веником. Нет! То представитель нового сорта людей. По-европейски – коммерсант. И основателен он совершенно по-европейски. Поосновательней будет даже городничего. Николаус составит тебе блестящую пару, моя милая, и укрепит весь наш род. Кстати, давеча на суаре я имел окаяние говорить с ним. Любопытнейший, признаюсь тебе, вышел у нас разговор. Между нами, он делал тебе авансы. Ну, что скажешь, Софьюшка? – говоривший помолчал несколько мгновений, предоставляя сестре возможность усвоить сказанное, и продолжил, чуть подпустив в интонацию стали, точно повар приправляющий блюдо щепоткой острого перца. – Не забывай, что ты – Арсентьева! А Арсентьевы никогда не совершают глупостей.

– Скажу, что девкой дворовой стану, в ногах ваших спать буду, только не выдавайте! А что до семейных корней, так укрепляйте себе сколько угодно, женитесь на Ольге Каземи-

ровне! Эвон, какой голубушкой она за вами вышагивает. Или вы думали, я того не вижу? А что касается глупостей, которых, как вы утверждаете, не делают Арсентьевы, я бы на вашем месте вообще промолчала! Мне удивительна даже мысль, что кто-то в здравом уме решит с нами породниться. Учитывая созданную вами репутацию...

Раздался резкий глухой стук, будто кто-то с размаха хватил кулаком по безвинной деревянной поверхности. Столу или дощатой стене.

– Своенравна ты, сестра! Сил моих нет! Только Господь-Бог знает, что ты там себе навывдумывала, – грянуло вслед за стуком. – Чем ты у нас грезишь? Петербургом? Парижем? Весьма дальновидно, ничего не скажешь! А что за несносная блажь эти твои полуночные гулянья в саду! Клянусь, если хоть один только раз я увижу в твоих руках сочинения господина Пушкина... Постой, быть может, виной всему этот твой велеречивый обожатель? А ты лучше за него выйди, то-то распотешишь!

– Ах, да причем здесь... – всхлипнула девушка и беспомощно умолкла, чувствовалось, что еще мгновение, и барышня не сможет сдержать слез.

Слушать дальнейший разговор становилось бессмысленно. Отставной штаб-ротмистр вежливо, но непреклонно отстранил нахмурившегося Владимира Матвеевича, а затем нарочно громыхнул свертком о саквояж. Звонко лязгнули отточенные клинки, и голоса тотчас смолкли, будто и не было.

Стремясь сохранить лицо, а заодно не поставить в еще более неловкое положение хозяев особняка, таковое суждение об участниках диалога следовало из контекста беседы, Фальк неторопливо преодолел ступени высокого крыльца, позаботившись придать своим чертам учтиво-приветливое выражение. За спиной его послышалось недовольное сопение, молодой человек украдкой обернулся. Позади сердито вышагивал Холонев.

Изнутри терраса оказалась не столь уж громоздкой. Учитель фехтования попутно отметил, что так оно даже комфортней. То была укромная пристройка с превосходными видами. В углу темнел небольшой круглый столик, накрытый узорной скатертью, поверх горделиво высился пузатый тульский самовар. Тучные бока его густо отливали медью. Веселым хоромом пущены были вокруг стола затейливо плетеные стулья. То-то замечательно, должно быть, коротать здесь вечерние сумерки за кружечкой горячего душистого чаю! Что еще нужно для повседневного отдохновения?

Как и следовало ожидать, на веранде находились двое. Облокотившийся на вычурные перильца мужчина и молодая женщина, замершая прямо напротив окна. Приглушенный шторами свет позволял рассмотреть ее огромные голубые глаза, казалось бы, вовсе не предназначенные для слез. Трудно было поверить, что еще минуту назад это миловидное создание метало здесь гром и молнии, всем сердцем сетуя на брата.

Не красавица, подумал Фальк, разглядывая капризно поджатые губы и насмешливо вздернутый веснушчатый носик, однако и впрямь не лишена некоторой притягательности и очарования. На плечи ее был накинут легкий ватерпруф – тонкой шерсти летнее девичье пальто. Белая шляпка с причудливой окантовкой прикрывала золотистые локоны.

Волосы мужчины, гладко зачесанные назад, были ровно того же золотого оттенка, что и у сестры, разве серебрились кое-где благородной сединой и заметно отступали от высокого круглого лба. Тонкий нос, чуть заостренный книзу подборок и бакенбарды песочного цвета – все выдавало в облике его истинного хищника. Худошавое тело князя было облачено в брусничную венгерку, зауженную в талии и богато украшенную витыми шнурами на груди и рукавах. Всякому известно, как любят отставные офицеры наряжать себя в такие вот точно гусарские курточки, особенно те из них, кто оседает в провинциях. Длинные со штрипками панталоны также наводили на мысли о былой кавалерийской службе.

Арсентьев с молчаливым любопытством взирал на неожиданно появившегося гостя. Едва заметные стрелки морщин несколько оживляли его бесстрастный лик, наделяли отпечат-

ком ума и самоуверенности. Отняв руки от перил и скрестив их на груди, помещик выпрямился, перевел взгляд куда-то за спину штаб-ротмистра. Вопросительно приподнял бровь.

– Ваше сиятельство, перед вами прибывший по именному приглашению мастер над шпагою из Петербурга – Иван Карлович Фальк. Имею честь и удовольствие рекомендовать-с! – каркающим вороном отрапортовал Владимир Матвеевич, затем сделал шаг вперед и указал раскрытой ладонью перед собой. – Иван Карлыч, разрешите представить вам радушных и благодетельнейших властителей сих земель. Вот-с, познакомьтесь, их сиятельства Дмитрий Афанасьевич и Софья Афанасьевна Арсентьевы. Как говорится, прошу любить и жаловать!

– Здравствуйте, ваше сиятельство, – проговорил Иван Карлович, привычным движением приподнимая цилиндр, – знакомство с вами для меня большая честь!

Промолвив эти слова, он повернулся к княжне и с полным достоинства поклоном произнес:

– Софья Афанасьевна, слухи о вашей красоте более чем правдивы, *fasciné* (франц. «очарован»)!

– Благодарю, вы невероятно добры ко мне, сударь! *Comme un vrai gentleman* (франц. «как истинный кавалер»), – музыкой прозвучало в ответ.

***

Пожалуй, не было еще на свете женщины, которая не обратила бы внимания на наряд впервые увиденного ей человека. В особенности если сей человек – молодой статный мужчина. Фальк физически ощутил на себе изучающий дамский взор и готов был буквально провалиться сквозь землю, прекрасно представляя, во что превратился его костюм после давешнего лесного приключения.

Однако на людях барышня владела собой ничуть не хуже грозного брата и, если и подивилась странному внешнему виду петербургского гостя, ничем этого не выдала. Одарив присутствующих вежливой улыбкой, она склонилась в элегантном книксене.

Здесь, да простит нам читатель необязательное, быть может, для хроники излагаемых событий, но совершенно необходимое для разъяснения персоны Ивана Карловича отступление, нужно заметить, что когда-то, еще в гимназическую пору, Фальк решил для себя, что всякий порядок зиждется, прежде всего, на традициях и мудрых установлениях предшествующих поколений. Трижды глупец заявляющий, что правила придуманы для того, чтобы их нарушать. Ведь стоит лишь единожды не последовать им, проявить малодушие и незримо зашатается что-то в человеке. Обрушится нечто такое, что делает его порядочным. Боязно даже и подумать, к чему способно привести пренебрежение правилами не одной отдельно взятой личностью, а целым поколением. Уж верно, культурному наследию человечества и вовсе наступит тогда неминуемый конец. Настанут первобытные времена. Без установления, безо всяких социальных условностей. На радость, господам нигилистам. Все мироздание рухнет, будто карточный домик. Не о том ли на свой лад толкуют святые отцы и самая православная церковь? Русскую расхристанную душу можно удержать в узде только духом.

Как это часто бывает, виновником, вернее виновницей, подобного рода «судьбоносных» открытий была девушка. Всякий солидный человек, пожалуй, без особых усилий способен вообразить себе всю опасность сердечной бездны, порождаемой романтизмом молодых лет, и, конечно, помнит поступки, совершенные им во имя прекрасного. И не всегда те поступки бывают столь же высоки как чувство, их побуждающее. Ой, не всегда! Особенно, когда это чувство не взаимно...

Для полноты и стройности нашего повествования уж и того более не имеет значения и смысла история любви, поступков, падения и последующих злоключений молодого человека. Довольно знать, что юноша часто пресекал тогда морали и, поправ всякое приличие, бывал порой свински пьян. Из этого могла получиться самая обыкновенная история, каких из десяти девять, если бы не финал. Конец мытарствам положил случай, когда изрядно подгулявшего

юношу настоятель Сергиевского всей артиллерии собора протоиерей Данков буквально вытолкнул из храма раскуренным кадиллом. Фальку стало до того горько, что он сел прямо на мостовую и утирая слезы все бормотал и бормотал: «Что я вам – бес? Нет, ну разве я бес?!».

Опомнившись, Иван Карлович накрепко положил себе позабыть тот полный смут и душевных терзаний период молодости и сделался с тех пор если не воинствующим поборником нравственности, это было бы невозможно, учитывая сферу его деятельности, то, по меньшей мере, адептом консерватизма. Так иногда случается у людей, бросает, что называется, из крайности в крайность. Дабы снова не обрушить свое с таким трудом восстановленное мироощущение он стал болезненно аккуратен во всем. В нарядах, этикете и особенно в отношениях с противоположным полом. Так оно часто бывает с привычками. Вроде бы из безделицы прилепилась, из дурости пустой, и понимаешь это и себя коришь, но поди отвяжись.

Вот таков был Иван Карлович. Человек высокой самоорганизации, перфекционист, он был убежденным сторонником всевозможных регламентов и инструкций. Ему на роду было написано стать придворным, чиновником или заводским конторщиком. Однако бойкий характер и неистребимая тяга к приключениям обеспечили молодому человеку совершенно иной – бесконечно далекий от идеалов морали – жизненный путь, никак, впрочем, не изменив педантичной натуры.

Потому рассудок его, дисциплинированно приученный не оставлять без внимания тончайшие отступления от заведенных в обществе правил, услужливо отметил небрежность Софьиного книксена. Княжна произвела ритуал девичьего приветствия скоротечно и весьма не прилежно, как-то совершенно по-домашнему. Странное дело, но в этом кротком и чрезвычайно милом движении присутствовал свой шарм. И вообще девушка была еще слишком юна, дабы придавать сколько-нибудь заметное значение каким бы то ни было церемониям и глупым условностям. Уж больно, что называется, зелен виноград.

Фальк поймал себя на том, что ему, вслед за самим городом, даже начинает нравиться этакая провинциальная непосредственность. Софья Афанасьевна до смелости откровенна с братом и напрочь лишена чопорности столичных матрон, Холонев тот и вовсе, кажется, не считает нужным скрывать от кого бы то ни было свою неприязнь, ишь каким волком зыркает исподлобья.

Все здесь выходило каким-то двухцветным. Черным, точно антрацит, либо исключительно белоснежным. Без оттенков. Да и к чему, если хорошенько задуматься, вообще нужны оттенки? К сожалению, большой мир утратил такую искренность. Совершенно безвозвратно. Кажется, доктор Нестеров рассуждал сегодня о чем-то в таком роде.

– Мы ждали вас неделю назад, – вместо приветствия произнес Дмитрий Афанасьевич, возвращая тем самым Ивана Карловича с небес на землю.

Сказанное прозвучало сурово и требовательно. От вкрадчивой искательности, сквозившей в пригласительном письме, не осталось ни единого следа. Покоробленный резкостью и не привыкший давать отчеты всякому встречному, штаб-ротмистр немедленно сдвинул брови и сверкнул глазами, однако вовремя спохватился. Полученное им приглашение, в сущности, представляло собой учтивую форму найма. Явившись сюда, Иван Карлович фактически принял деловое предложение. Не говоря уже о том, что к письму прилагалась немалая сумма аванса («...на удовлетворение всяческих дорожных нужд и сопутствующих трат»). Разумеется, князь вправе был напомнить об этом припозднившемуся учителю фехтования.

Молодой человек помедлил, гадая, не последует ли продолжения, и вежливо сказал:

– В пути возникли некоторые непредвиденные обстоятельства. Если ваше сиятельство сочтет необходимым вычестить из моего гонорара неустойку или же вовсе расторгнуть контракт – я готов соответствовать.

– Оставьте, фехтмейстер! Я не для того выписал вас из столицы, чтобы выслушивать дорожные байки и тем более вступать в конфронтацию, разбирая аспекты договорной юрис-

пруденции, – голос Арсентьева хлестал словно плеть. – В одном только потрудитесь вы меня удостоверитель, когда сможете приступить к занятиям?

– Mein Gott! (нем. «Мой Бог!»). Да хоть бы и завтра! – не задумываясь, выпалил Фальк.

«Ты приехал сюда работать», – напомнил он себе еще раз. – «Так и работай! Молча. Вот тебе, и обаятельная уездная непосредственность».

Скрепив себя этой мыслью, молодой человек вздохнул и со всем доступным ему смирением приготовился принять очередной вызов, однако помещик заговорил вдруг совершенно по-иному:

– Превосходно! Право, что же это мы вот так сразу и о делах. Простите великодушно, Иван Карлович, боюсь, я совершенно позабыл о долге гостеприимства. Вам бы сейчас недурственно подкрепиться и вздремнуть часок-другой, не так ли? – он повернулся к управляющему. – Володя, сделай милость, устрой все наилучшим образом.

– Всенепременно-с! – проворчал Холонев, тиская в руках выдавшую виды фуражку, и легонько подтолкнул отставного штаб-ротмистра плечом, мол, что вы стоите как истукан?

Иван Карлович с улыбкой промолвил:

– Премного благодарен, ваше сиятельство! Следует признать, что проделанный путь и в самом деле был несколько утомителен. Я буду поистине счастлив, составить вам компанию за ужином.

– Вот и чудно! – откликнулся Арсентьев, демонстрируя радушие. – Стало быть, Иван Карлович, увидимся через час. Холонев, проводи нашего гостя. Честь имею!

– Честь имею, – эхом вторил ему Фальк и добавил, не отводя взгляда от Софьи Афанасьевны. – Мадемуазель!

В ответ девушка снова изобразила незамысловатый книксен и произнесла, обаятельно грациозно:

– À tout al'heure! (франц. «Увидимся позже!»)

Тихий голос ее был едва различим в покойном шелесте листьев сирени и пении незримого хора сверчков. На сей раз Иван Карлович не нашел в движении княжны ни малейшего изъяна и галантно поклонился, а потому не заметил, как шелохнулась за окном расписанная цветами пукетовая (устар. «букетовая, украшенная букетами») занавеска.

Глава шестая

– Вот-с, пожалуй, и все наше невеликое «общество», сударь мой Иван Карлович! При свете ясного солнышка разбредаемся по углам-закоулкам да вершим всякий свое. А чуть смеркается, летим, не жалея пестрых крыл, на огонек, что мотыльки на лампадку-с! – завершил доктор свою заковыристую речь, направленную на ознакомление новоприбывшего со всеми обитателями усадьбы, и придвинул к себе бутылку шампанского.

Фальк с любопытством разглядывал столовую и собравшихся в ней гостей. Он дежурно улыбался, вежливо раскланиваясь с каждым, кого представлял ему Нестеров.

Четверых присутствующих, включая хозяев особняка, несимпатичного управляющего и самого доктора, Иван Карлович уже знал. Еще с одним примечательным господином в полицейском мундире молодой человек свел знакомство назад тому час, в фойе. Через секунду после того, как расстался на крылечке с братом и сестрой Арсентьевыми.

Оказавшись внутри дома, фехтмейстер буквально натолкнулся на незнакомца, прогуливавшегося вдоль широких окон холла с не зажженной трубкой в руках. Тот мерил шагами пол и в задумчивости покусывал янтарный мундштук, ожидая, как видно, случая перемолвиться о чем-то с его сиятельством. Наградив вошедшего коротким изучающим взглядом, он поспешил себя откомендовать.

То был средних лет худосочный мужчина, приятный лицом и манерами. В первый миг Иван Карлович даже как-то смешался, до того удивительно было обнаружить столь безупречную привычку держать себя в провинциальном служаке. Еще мудренее было повстречать его здесь в такой час. «Золотые» (на самом деле, конечно, медные) пуговицы и погоны его темно-зеленого кителя, да еще оранжевые канты на обшлагах указывали, что владелец сего состоит на должности станového пристава и прибывает ныне в чине штабс-капитана. Константин Вильгельмович, так его звали, производил впечатление человека приветливого и обходительного. И фамилия у него хорошая. Вебер. Тоже, видно, из обрусевших немцев.

Двое прочих гостей оставались Фальку безызвестными. До сего момента.

Первым гостем, а верней сказать, гостьей, оказалась немолодая уже, но по-прежнему еще видная собой, хотя и без особой эффектности, купеческая вдова пани Листвицкая. Дама с чрезвычайно острыми чертами, придававшими лицу ее до крайнего удивления сходство с настоящим осиновым листом. Вторым незнакомцем был дурно одетый лет пятидесяти красноносый и ужасно неряшливый господин. Тучного сложения, с огромными залысинами и маленькими щелочками-глазками, в коих, к слову, читались и смысл, и ум. Звали его Мостовой Алексей Алексеевич.

Про Алексея Алексеевича доктор не особенно распространялся, да и, собственно, ничего кроме имени не поведал. О Листвицкой же говорил много больше и куда охотней, потому на нее молодой человек взглянул с удвоенным любопытством.

Всего, не исключая самого Ивана Карловича, выходило восемь человек. Не считая, разве, слуг, деловито сновавших за спинами трапезничающих и то и дело натывавшихся на молодую непоседливую псицу – любимицу князя по кличке «Заноза». Доброе создание без конца вертелось у всех под ногами и норовило прошмыгнуть под стол, чтобы положить кому-нибудь на колени свою лохматую голову.

Ужинали, если не сказать полуночничали, в просторной и чинной зале. Помещение принадлежало к числу прочих парадных заведений особняка, наряду с холлом, гостиной, библиотекой и большой танцевальной комнатой, полы в которой были начищены столь ревностно, что запросто можно было разглядеть в них свое собственное отражение.

Все это пышное великолепие, повторяя в точности устройство иных богатых дворцов империи, расположилось аккурат за высокими окнами фасада. Комнаты в строгой последова-

тельности и с тщательной продуманностью соединялись промеж собой массивными дубовыми дверьми с золочеными ручками и замысловатыми вензелями. Всюду были расставлены вазы со свежими цветами, висели картины и тканые полотна, курились ароматические свечи, зажатые в медных витых светцах. Хозяйские покои находились здесь же, в бельэтаже, в глубине дома, в той его части, что выходила прямоком к саду и речке. Спальни брата и сестры отделяла друг от друга горница со святыми образами, заменявшая Арсентьевым так и не достроенную часовенку.

Временных жильцов обыкновенно размещали в небольших, но уютных комнатушках наверху, в мезонине. Каждая светлица была заботливо обставлена мебелью, оклеена бумажными полосатыми обоями и непременно имела собственный балкончик. Именно такие вот немудреные апартаменты и были загодя отведены Ивану Карловичу. Еще седмицу назад. Однако три дня тому на пороге имения появилась Ольга Каземировна Листвицкая и приготовленное учителю фехтования жилье, за неимением прочего, тут же сменило квартиранта.

Листвицкая была женщиной незаурядной. Урожденная шляхтянка, она с младых ногтей привыкла знать себя особой гордой и обеспеченной. Ей, по слухам, не досталось ничего от умопомрачительной красоты матери, но того девушке никогда, кажется, и не требовалось, ведь для достижения успеха человеку довольно знать свои слабые стороны и уметь должным образом употребить сильные. Трудно сказать, что именно привлекало в ней мужчин. Острый ум, кажется, свойственный всем на свете дурнушкам, а может, папенькины капиталы? Так или иначе, кавалерам различных мастей, вьющимся вокруг Ольги Каземировны, а тогда еще попросту Оленьки, завсегда не было переводу. Ей пророчили успешный брак и самое высокое положение в обществе, но панночка огорошила всех, выскочив замуж за русского купца с не запоминающейся фамилией (не то Папышев, не то Пупышев) и укатив с ним в далекую Саратовскую губернию. Там у новоиспеченного супруга имелась в собственном владении небольшая мебельно-суконная мануфактура.

Ее старик-отец, известный крайне воинственными настроениями по отношению к России, невзирая на явные симпатии царя Александра польскому национальному движению, обиды так и не спустил. На все Царство Польское заявил он тогда, что Ольга ему больше не дочь. Затем все как-то само собой улеглось и о взбалмошной девице потихоньку забыли. Так разбегаются и затихают на воде круги, образованные ловко брошенным камнем.

Вновь заговорили о Листвицкой по истечению двадцати лет, когда пронеслась по округе печальная весть о безвременной кончине ее мужа. Беда приключилась на охоте позапрошлой осенью, как раз на Покров. Очевидцы сказывали, будто понесла лошадь. Горемыка-купец не удержался в седле и упал, да так неудачно, что сразу расшибся насмерть. Сгинул под копытами пегой любимицы. Обычное дело, что удивляться.

Не обошлось, впрочем, без кривотолков. Когда прознали о таинственном исчезновении Яшки, хозяйского конюха – нерадивого увальня, вечно дрыхнувшего на грязной соломе пьяным мертвецким сном. Охочий до водки и презираемый людьми, он был до странности любим лошадьми и, если верить ходившим среди челяди слухам, даже имел над ними какую-то «необнаковенную» волю. Надо ли говорить, что в тот злополучный день именно Яшка закладывал барину скакуна.

О том разное болтали. Одни считали, что парень-де отомстил за что-то своему господину и дунул из губернии во все лопатки. Кто-то припомнил даже, а может и придумал, некий особенно крупный раздор, якобы вышедший между ними накануне.

Другие говорили, что видного промышленника руками слуги извели могущественные недоброжелатели. Таких, по слухам, у новопреставленного было в избытке.

Третьи до хрипоты спорили, утверждая, что все это банальный несчастный случай. Ну, с кем не бывает?

Ходили и вовсе уж небылицы, мол, не обошлось здесь без самой Ольги Каземировны. Сторонники такого умозаключения упрямо твердили про «Cui prodest» – следственный принцип, означающий в переводе с латыни: «Ищи кому выгодно». Оно и не удивительно, ведь все богатство покойного, согласно отыскавшейся у душеприказчика духовной, в полной мере отходило супруге.

Целый год понадобился Листвицкой дабы справиться, наконец, с осиротевшей без хозяйского попечения мануфактурой. Мало-помалу предприятие преобразилось, да так, что не узнать! Невзрачный хилый птенец обернулся белокрылым красавцем-лебедем. И вот теперь дела фабричные привели Ольгу Каземировну сюда, в отдаленный сибирский уезд, к Арсентьевым. Который день толковали они с князем о продаже леса, да все никак не могли сторговаться.

О приезде купеческой вдовы и возникшей в связи с этим обстоятельством проблеме его размещения, Фальку удалось по крупице, слово за слово, вытянуть из мрачного управляющего. Еще до ужина, когда шли заселять столичного гостя в Холоневские «хоромы».

После встречи с хозяевами дома Владимир Матвеевич скис настолько, что легко мог бы потягаться с оставленным на солнце молоком недельной давности. Фехтмейстер поехал при одной только мысли о совместном проживании с сим малоприятным субъектом, однако из вежливости предложил Холоневу разделить с ним комнату и даже выдал из себя некое подобие улыбки. К счастью, управляющий отказался. Убедившись, что гость надлежащим образом расположился и не испытывает каких бы то ни было неудобств, откланялся и был таков.

Куда он, интересно, отправился, обратно на конюшню? Ну, чисто бирюк!

***

Похоже, сделка не задалась, думал Фальк, лениво ковыряя вилкой в незамысловатом салате, поданным в качестве аперитива.

– Дозвольте признаться, Дмитрий Афанасьевич, меня глубоко сокрушает ваша жестокость! Отчего не жалко вам бедного девичьего сердца, и без того непомерно утомленного не женскими вовсе заботами? – укоризненно вопрошала Ольга Каземировна у его сиятельства, но слова, произнесенные вроде бы с просительной интонацией, никак не вязались с выражением ее лица и холодным, пронизывающим взглядом.

Убедившись, что сказанное в той или иной степени занимает каждого из присутствующих, гостя с лукавой улыбкой продолжила свою филиппику, театрально прижимая руки к груди:

– Мне известно, где вы весь день сегодня пропадали! Изволили ездить за реку, смотреть лес. Не так ли? В лице Владимира Матвеевича я приобрела ценнейшего друга и союзника. Он сообщил мне о вашем намерении оценить объем пригодного для поставки товара и, главное, его качество, сильно упавшее после прошлогодних пожаров.

– Вам, поистине, невозможно отказать ни в очаровании, ни в пронизательности, дорогая Ольга Каземировна, – ровным голосом произнес хозяин особняка, вытирая губы батистовой салфеткой. – Ваш источник непревзойденно точен. Я действительно пожелал выехать сегодня на осмотр собственных владений, сударыня, дабы окончательно разъяснить для себя вопрос предложенной вами цены и, увы, нашел ее чрезмерно заниженной. Мне жаль, но я никак не могу принять ваши условия. Боюсь, вам следует поискать древесину где-нибудь в соседнем уезде. Впрочем, с моей стороны было бы взаправду жестоко, и даже вовсе не по-рыцарски, отказать даме в помощи! Володя, с коим вы отличнейшим образом поладили, подготовит рекомендательные письма к некоторым нужным людям. Полагаю, они охотно пойдут вам навстречу, едва только завидев на конверте мою облатку. Уверю вас, мадам, слово Арсентьева кое-что весит в этих краях.

– Вы очень любезны, князь. Не знаю даже смогу ли я когда-нибудь воздать вам этот долг! Впрочем, к чему принимать столь скоропалительные решения? Ох, эти милые, принципиальные мужчины! – Листвицкая обратилась к Софье в поисках поддержки, точно приглашая

ее посмеяться над мужской принципиальностью. – Подобная твердость хороша лишь на поле боя, верно же, моя дорогая?

Комично нахмурившись и размахивая на манер кавалерийского палаша доверху наполненным бокалом, доктор шутливо протянул:

– Эскадрон, слушай мою командуу... приготовиться к бооою...

Раздались сдержанные смешки. Улыбнулся и Фальк, оценив попытку Вадима Сергеевича несколько сгладить возникшее напряжение. Полячка не удостоила шутника даже поворотом головы.

– Возможно, вы правы, Дмитрий Афанасьевич, – с показной робостью молвила она, – названная мной сумма и впрямь несколько занижена, но ровно в той степени, насколько завышена ваша! Посему молю вас не отвергать навовсе моего предложения! Полагаю, мы все-таки сможем прийти к консенсусу. Обоюдовыгодному. И потом, что тащиться в другой уезд! Если и здешние древесины вполне сносны. Приходилось ли вам слышать, какие на моей мануфактуре делают клавикорды? А какие столы! Вы и сами, говорят, первостатейный бильярдист и понимаете толк. Ну же, князь, проникнитесь, наконец, сочувствием к несчастной женщине! Не дайте захиреть моему производству, я в него душу вложила.

Вряд ли у этой «несчастной женщины» есть душа, решил Иван Карлович. Он со скучающим видом расправлялся с трапезой, но внутренне был собран и деловит.

Оставаясь внешне безмятежным, Фальк напряженно работал. Пристально наблюдая за людьми, сидящими за столом, он наскоро составлял на каждого из них психологический портрет. Например, что можно сказать про эту мебельную магнатку? Прямая осанка, педантичное расположение столовых приборов, строгое черно-серое платье с ажурными белыми манжетами и воротничком, волосы, тугим узлом собранные на затылке безо всякой вычурности современных дамских причесок – все выдавало в ней человека огромной внутренней дисциплины. Похоже, что жизнь этой немолодой вдовицы была устроена по самым строгим правилам. Выходило, пожалуй, резковато, как-то уж совсем не по-женски. Без рюшек.

Существует целая наука, способная многое поведать о человеке по его гардеробу, жестам и, конечно, мимике. Фальк в свое время прослушал на эту тему несколько обязательных лекций. В интересах службы.

Надо, впрочем, сказать, что даже обращение к профессиональному навыку выводить из частного общее – занятие в иные минуты не раз позволявшее молодому фехтмейстеру контролировать эмоции – на сей раз желаемого результата не принесло. К сему моменту им безраздельно овладело раздражение. Мысли скакали и путались.

Конечно, убеждал он себя, всему виной усталость и возникшая как следствие расшатанность нервов. Шутка ли отмахать столько верст? Впрочем, на нервы не было времени. Иван Карлович сделал глубокий вдох и потер виски. Не помогло.

В действительности причиной гнева молодого человека было не утомление, он в своем возрасте вообще не ведал такого слова. Его злили два неприятных открытия. Одно пустяковое, другое куда более серьезное.

Во-первых, прав был Вадим Сергеевич, мужчины здесь совершенно не носили фрактов, отдавая свое предпочтение более удобным и практичным сюртукам, да и вообще уделяли внешнему виду заметно меньшее внимание, нежели это было принято в Петербурге или даже в Москве. Фальк же в своем щегольском наряде кремового цвета и с безукоризненно повязанным на шее платком чувствовал себя в обществе «сюртучников» в высшей степени неуютно, точно павлин, по случайности забредший в курятник.

Спасибо Софье Афанасьевне, выручила!

Девушка явилась к ужину в невероятной красоты платье-роброн, исполненном изумрудным шелком и перехваченном на талии широкою лентой цвета «аделаида» или, как говорили

в этих местах, «оделлониды». Златые пряди ее были завиты по самой последней Парижской моде и ниспадали на открытые плечи водопадом искрящихся пружинок.

Судя по реакции окружающих и буйному выражению восторга, особенно рьяно прозвучавшему из уст мужчин, к числу привычек мадемуазель Арсентьевой вовсе не принадлежало обыкновение всякий раз трапезничать с этакой помпой. Прочие, как уже поминалось, облик имели самый заурядный.

Ох, если бы ни это ее волшебное убранство бедный штаб-ротмистр нипочем не смог бы отделаться от ощущения, именуемого соплеменниками Бонапарта: «*Tu n'es pas dans ton assiette!*» (франц. «Быть не в своей тарелке!»).

Во-вторых, и, разумеется, в-главных, к сему моменту окончательно стало ясно, что выполнить поставленную перед ним задачу будет значительно труднее, чем представлялось изначально. И без того не простая профессия, так нет! Вот вам, Иван Карлович, от судьбы дополнительный вираж.

***

Перед самым ужином в комнату Фалька пожаловал управляющий, с порога заявив, что пришел сопроводить дорогого гостя к столу, а заодно растолковать круг его новых, согласно условиям найма, обязанностей. Штаб-ротмистр как раз завершал свой вечерний туалет, оправляя перед зеркалом концы шейного платка, пряча их под белый с золотом жилет.

– Входите-входите, Владимир Матвеевич, я быстро.

– Да вы, Иван Карлович, не тревожьтесь, продолжайте себе, а я пока баринову затею излагать стану, ради экономии времени. Ничего это вам?

Молодой человек пожал плечами, мол, излагайте, любезный, коль желаете. Не оставляя своего занятия, петербуржец поглядывал в отражение на черноволосого арсентьевского слугу и с каждым словом его заметно мрачнел.

– А давайте мы с вами, Фальк, рванем напрямки-с? К чему нам цирлихи-манирлихи-то разводить... *excusez-moi* (франц. «извините меня»). Его сиятельство Дмитрий Афанасьевич желают, чтобы вы, нимало не мешкая, прямо с завтрашнего утра, принялись обучать шпажному делу его крепостных, на кого укажут-с. Как есть, без утаек, по всей французской науке клинковой рубки. Вы, надеюсь, не позабыли прихватить с собой книжицу этого вашего прыткого галла? Слышал, она презанятная. Правду сказать, сейчас у вас подопечный токмо один будет, но после появятся и другие, много других, уж будьте покойны! Впрочем, оно, может, и ничего-с, что теперь один еще мужик-то, так оно даже и к лучшему. У нас, видите ли, рапиры до сих пор не наличествуют. Обещали на той неделе из самого Тобольску заказ подвезти. Но и это ничего, ведь вы, я знаю, приехали при собственных клинках, верно-с?

Фальк молчал.

– А вы ожидали, сударь, что станете здесь княжича-барина какого учить, словно «цыпулялю»? Так нету у нас тут таких-то, не в заводе. Да ведь и чем крестьянин, по-вашему, плох? Он тоже, кажется, при руках, при ногах. Живой человек опять же? Ну-ну, не сердитесь, душа моя, эдак нахмуримшись стали. Так как, возьметесь, Иван Карлович? Не передумали-с?

Фехтмейстер совершенно не ожидал ничего подобного и чувствовал себя, сказать по совести, изрядно огорошенным, хотя и был ко многому привычен и многое уже на своем веку повидал. Это уж низость, самая настоящая низость и сознательная подлость. Перед выездом из Петербурга ему ничего не сообщили об истинном положении вещей. Не сочли нужным предупредить.

По-прежнему не произнеся не единого слова, Иван Карлович медленно кивнул. В любом случае, поразмыслил штаб-ротмистр, дело нужно исполнять, какими бы мерзкими особенностями оно не обросло. Отчего-то до ужаса захотелось выбрать этого неотесанного мужика, но тот, если подумать, был всего лишь гонцом, приносящим дурные вести. И все же кое-какое невинное удовольствие, пожалуй, можно было себе обеспечить.

Дождавшись от Фалька утвердительного жеста, управляющий торжествуяще воздел в потолок узловатый палец.

– Так-то оно и славно-с! Пожалуйте тогда чуть свет на двор, часу в седьмом. Да шпаги-то, шпаги не забудьте!

Иван Карлович снова кивнул и, вдруг, точно повинувшись нахлынувшему порыву, решительно развернулся на каблуках, в два шага достиг письменного стола и схватил с него черный потрепанный бювар, да так резко, что опрокинул рукавом некстати подвернувшуюся малахитовую чернильницу, благо пустую.

Вернувшись на прежнее место, он с преувеличенной любезностью протянул обтянутую бычьей кожей папку оторопевшему Владимиру Матвеевичу.

– Что же вы, господин Холонев, документы под замком-то не храните? Там, верно, у вас бухгалтерия иль иные бумаги? Помилуйте, можно ли так? Ведь не ровен час! – промолвил штаб-ротмистр, машинально поправляя выбившиеся из куафюры русые локоны.

Бювар Фальк приметил чуть не сразу, едва только оказался в каморке, что отвел ему управляющий, а вернее сказать, уступил. В нем отыскались заляпанные чернилами обрывки каких-то листков с не читаемыми надписями. То были ровные строчки в два столбика. Все они здесь, что ли, стихи пишут? Черновики были тщательно осмотрены на свет свечи и отправлены на место, как только петербуржец убедился, что разобрать нанесенный на них текст не представляется возможным.

Сначала фехтмейстер, разумеется, решил, что при первой же оказии деликатно исправит промашку, допущенную забывчивым хозяином. Теперь миндальничать расхотелось.

С губ Владимира Матвеевича моментально исчезла глумливая улыбка, ни дать, ни взять рисунок на песке, смытый речной волной.

– Что вы еще разнюхали? Пытались прочесть?

На мгновение в комнате воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. Иван Карлович чувствовал, как в висках его бешено пульсирует кровь. Ему до ужаса захотелось сказать какую-нибудь колкость, что-нибудь бесприменно досадное, но, словно робея этого своего желания, молодой человек устало поморщился и тихо обронил в ответ:

– Не имею, сударь, к тому привычки.

Холонев просверлил его гневным взглядом, сунул бювар подмышку и загромыхал по коридору тяжелыми сапожищами, предоставив штаб-ротмистру самостоятельно отыскивать путь в столовую.

Глава седьмая

Он вздрогнул от неожиданности, что-то мягкое и влажное коснулось под столом его колена. Иван Карлович приподнял край скатерти и украдкой скопил глаза, так и есть – «Щепка». Или как бишь там звать-величать четвероногую проказницу Дмитрия Афанасьевича?

Умная псица с осторожным любопытством обнюхала молодого человека и, как видно, совершенно удовлетворившись на его счет, бесцеремонно уселась в ногах. Выпростав наружу свой длинный язык, зверушка всем видом изображала, что никакие ароматы и вкусы ее нисколько не занимают.

Что это за порода такая, часом, не ирландский ли сеттер? Экая длинная у нее шерсть. Каштанового цвета с красноватыми отливами, волнистая-преволнистая – не собака, а загляденье. Ба, а подшерстка-то и нет... ухоженная, словно барышня, даром, что при хвосте. Такая собака не для охоты – для красоты. Бегает, небось, себе с князем по саду, все игры играет, ластится. Не знает ни зла, ни работы. Оно и понятно, на то псарня имеется, дичь пусть вон борзые да гончие берут.

На ум Фальку пришло занятное сравнение, так иной человек вешает на стену турецкую саблю – потешить взор, обставить жилище. Авантажно получается. Навроде мебели. А, не приведи Господь, выпадет за Отчизну встать, возьмется за сабельку «стару» да «востру», с которой ни красоты, ни парадов знать не знал, ведать не ведал. Без завитушек, простую, но надежную.

Стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, учитель фехтования отщипнул от хлебной горбушки изрядный ломоть, обмакнул его в стоящий перед ним *consommé* – осветленный бульон по-французски – и незаметно переправил сие угощение под стол. Прямо к вездесущему псиному носу.

Однако, невзирая на старания, маневр его не остался незамеченным. О том явственно свидетельствовал хитрый, с прищуром, взгляд доктора Нестерова.

– Иван Карлович, батюшка, какой прелестный бульон, вы не находите? Нет, он решительно замечателен! Право слово, господа, я никуда отсюда не уеду, пока его сиятельство милостивейше не соизволит уступить мне своего повара. С места не тронусь, клянусь вам! Как, Дмитрий Афанасьевич, соизволите мне Семёныча-то? Ну, или хоть рецептик ба, один только рецептик! На меньшее я, право, не согласен! Что за прелесть, что за чудо...

Между тем лакомство перекочевало с Фальковской ладони в собачью пасть, и сеттер тотчас отправился на поиски «новой жертвы», обливав напоследок, вероятно, из соображений благодарности, пальцы своего нового друга.

– Ой, Занозочка! – вскрикнула вдруг Софья Афанасьевна, сидевшая чуть поодаль, – Здравствуй, моя хорошая, здравствуй красавица моя лохматая!

«Заноза», а вовсе не «Щепка», отметил про себя штаб-ротмистр. Губы его тронула невольная улыбка. Кличка подходила собачке как нельзя лучше.

Он почерпнул полную ложку воспетого Вадимом Сергеевичем бульона и отправил ее в рот. Что тут началось! Ивана Карловича в одно мгновение прошиб пот, шея и лоб его пошли густыми малиновыми пятнами, а на глазах выступили слезы. Принимая поданное блюдо за традиционное произведение французской кухни, Фехтмейстер совершенно не был готов столкнуться с чем-то настолько огненным. Ни тебе прованской утонченности, ни пикантной изысканности... Право, сущий Кавказ! Ай, да повар! Ай, да Семёныч! Фальк едва удержался не закашляться. Чувствуя, что на него смотрят, молодой человек не без труда заставил себя вновь потянуться к клубящейся паром похлебке.

– Я вижу, консоме «по-арсентьевски» пришелся вам по вкусу, милостивый государь мой, – заметил Вадим Сергеевич, поправляя затуманенное от горячего пара пенсне и отставляя в сторону свою тарелку, успевшую к тому времени показать дно.

– Иван Карлович, вам и правда понравилось? – почти одновременно с Нестеровым спросила мадемуазель Арсентьева и совсем по-девчоночьи наябедничала, – Многие не могут-с, им жжется! Алексей Алексеевич с Константином Вильгельмовичем даже не притронулись, говорят, диета воспрещает. А вот брат любят-с, они часто просят повара, чтоб беспрерывно покрепче. И меня с детства пристрастили, раньше тоже не могла, а теперь ничего-с, даже приятно. Кроме того, невероятно полезно, правда, доктор? От такой крепости все бехтерии уходят-с!

– Бак-те-ри-и, сударыня моя, – поспешил поправить ее служитель медицины. – А в остальном вы совершенно правы-с, Софьюшка Афанасьевна. Бегут окаянные, точно с тонущего корабля мышки-с!

Девушка прыснула. Титулярный советник Нестеров, как видно, умел располагать к себе людей. Хорошее качество для врача. Всякому известно – добрый врач добрым словом лечит.

– Должен вам признаться, мадемуазель Софи, если мне будет позволено так величать вас, кушанье – достойно всяческих похвал! Оригинальное решение, здесь и французский дух, и русская удаль! – отозвался Фальк и с тем, чтобы продемонстрировать искренность своих слов, со вздохом принял за добавку.

Бедная «Занозка», подумал он, заедая варево большущим куском хлеба. Понятно теперь, почему лохматое создание так спешно ретировалось.

Тут из дальнего конца стола раздался тихий елейный голосок тучного красноногого господина со смешной фамилией Мостовой:

– Полно, господа! Вас послушать, так лягушатники во всем наши учителя! Не извольте французить. Прошу, умоляю! Ну что за радость во всем им подражать? Известно ли вам, что я сейчас перед собой вижу? А, верней, кого? Так я скажу-с, отчего бы не сказать: вижу умных и образованных людей, талантливых, красивых. Умницы же вы, молодцы! Ну? Отчего, спрошу я вас, что ни блюдо, то Париж? Что ни вино, то Шампань?

Иван Карлович внутренне подобрался, он хорошо знал, что последует за этой репликой. Сейчас помянут русскую душу, вспомнят про грибочки, щи, забеленные сметаной, да не забудут про блины с красной икоркой. Заговорят о судьбах России.

Словом, разведут извечную борьбу Света и Тьмы, Западничества и Славянофильства. Вот только что из того Свет, а что Тьма, отставной штаб-ротмистр, сказать по чести, для себя пока еще не решил. Да и вряд ли это вообще решаемый вопрос. Без света нет теней, а без темноты невозможно познать, что есть свет. Такие или примерно такие вот беседы из века в век ведутся на Руси, в боярской ли горнице, на купеческом ли дворе, а ныне все больше в салонах да кабинетах, за столом и в комнатах для курения табаку. И только мужик, по-прежнему молча, сеет себе и пашет, давай ему Бог терпения.

Удивительно, но сладкоречивый Алексей Алексеевич продолжил говорить совершенно об ином:

– Вот вы, душенька моя, Софьюшка Афанасьевна, давеча заметили, что я от бульончика-то откестился, так пусть это не вводит вас на мой счет в заблуждение! Довольно только единого взгляда устремить на вашего покорного слугу, так сразу станет ясно, что я триклиний-то («триклиний» – древнеримское название столовой залы) сторонкою не обхожу и яствами заморскими навовсе не пренебрегаю! А совсем даже напротив, люблю, как говорится, и жалую. Да только жалую-то все больше не ваши, дорогой Вадим Сергеевич, французские угощения, ибо сие не страна – провинция-с, а самые что ни на есть подлинные итальянские разносолы. Особливо, господа, предпочтение свое отдаю я винам. О, знакомы ли вам чары

сицилийских виноградников? Взять хотя бы пятнадцатилетнее янтарное «Пассито ди Пантелерия»...

– Сам император Коммод не постыдился бы такого напитка! Верно, Алексей Алексеевич? – ни к селу, ни к городу заметил хозяин особняка.

– Ваша правда, князь! Готов поклясться, этот божественный нектар не уступил бы и хваленному «Фалернскому»!

– Помилуйте, батюшка! – начал было Нестеров, но разошедшийся Алексей Алексеевич предупредительно вскинул свою пухлую ладошку.

– Погодите, сударь! Конца слушайте-с! Дайте докончить!..

Радуюсь, что внимание окружающих целиком и полностью переключилось на покрасневшего, уж верно не от «Пассито ди Пантелерия», оратора, Фальк незаметно отодвинул от себя тарелку и позволил кому-то из слуг, крайне своевременно выросшему за спиной, наполнить бокал шампанским. Игристое вино сей же час радостно запенилось и забурлило, заиграло веселыми бликами в свете чадающих свечей. Неторопливо потягивая искристый напиток, Иван Карлович поочередно поглядел на каждого из присутствующих.

Доктор и господин Мостовой с жаром спорили о достоинствах и недостатках французской и итальянской кухонь, все больше зарываясь в политику.

Становой пристав Вебер с вежливым любопытством прислушивался к их разговору, не выпуская из внимания ни одного сказанного слова, а изо рта по-прежнему не зажженной трубки.

Ольга Каземировна, напротив, всеми доступными ей средствами выражала крайнее неудовольствие неожиданной переменой разговора. Вне всяких сомнений, она желала бы поскорей вернуться к обсуждению сделки и проявляла сейчас очевидные признаки нетерпения. По всему походило, что не видать купеческой вдове сибирской древесины как собственных ушей. Не ударить с князем по рукам.

Холонева, казалось, не интересовало вообще ничего. Кроме, разве что, супа.

Софью же главным образом занимал ирландский сеттер. Фальк, впрочем, не без оснований подозревал, что гладила она собачку, всего вероятней, для контенансу (франц. «для вида»), в то время как мысли ее были где-то далеко. Время от времени она таинственно поглядывала на новоприбывшего гостя. Не нужно быть гением, дабы сообразить, что из романтических видов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.